Ц 369/31

О

СИСТЕМѢ

ПРАГМАТИЧЕСКОЙ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

2007098116

О

СИСТЕМѢ

ПРАГМАТИЧЕСКОЙ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

НАПИСАННОЕ НА СТЕПЕНЬ

ДОКТОРА ФИЛОСОФІИ

Николаемъ Устряловымъ,

Императорскаго С. Петербургскаго Университета по каѳедрѣ Русской Исторіи Э. О. Профессоромъ, Императорской Военной Академіи и Главнаго Педагогическаго Института Адъюнктомъ, Высочайше учрежденной Коммиссіи для изданія актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею, Членомъ, Обществъ Исторіи и Древностей Россійскихъ въ Москвѣ и Сѣверныхъ Антикваріевъ въ Копенгагенѣ Дѣйствительнымъ Членомъ и орденовъ Св. Владиміра 4 ст. и Св. Анны 3 ст. Кавалеромъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

по опредѣленію Совѣта Императорскаго С. Петербургскаго Университета. Сентября 14 дня 1836 года.

Секретарь Совѣта, Надворный Совѣтникъ **А. БРУТЪ.**

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
10923-76

ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. СНѢГИРЕВА И К°.

О
СИСТЕМѢ
ПРАГМАТИЧЕСКОЙ
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

При всеобщемъ стремленіи ученаго міра къ раскрытію истинныхъ началъ каждой Науки, къ расширенію сферы знаній, къ пріисканію лучшей системы изложенія, при господствѣ всеобщей мысли о необходимости сочетать теорію съ практикою, Русскіе ученые, еще юные атлеты на поприщѣ образованности, неоднократно и съ успѣхомъ пробовали свои силы въ развитіи Наукъ точныхъ. Признавая однакожъ главною потребностію объясненіе всего національнаго, они чаще устремляли испытующій взоръ на такіе предметы, кои недоступны ученой Европѣ, понятны только Русскому уму, Русской душѣ. Въ числѣ этихъ предметовъ первое мѣсто занимаетъ отечественная Исторія: надъ нею мы болѣе всего трудились и достигли наконецъ того, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ издано было сочиненіе, которое заслужило живѣйшій восторгъ, и общимъ голосомъ признано было достойнымъ стоять на ряду съ лучшими произведеніями Евро-

пы въ томъ же родѣ. Хотя въ наше время безотчетная похвала уступила мѣсто критическому изслѣдованію, не всегда выгодному для автора, при всемъ томъ, трудъ его служитъ до сихъ поръ почти исключительнымъ, по крайней мѣрѣ, главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній и понятій о древнѣйшей судьбѣ нашего отечества, въ отношеніи и къ фактамъ и къ общему ходу событій: я говорю о сочиненіи Карамзина: *Исторія Государства Россійскаго;* но какъ Науки не могутъ оставаться въ одномъ положеніи, обогащаясь новыми истинами, новыми открытіями, усвоивая направленіе, сообразное съ потребностями вѣка, то весьма естественно, весьма справедливо было желаніе, обнаружившееся еще при жизни Карамзина, дополнить какъ его сказанія, такъ и изслѣдованія предшествовавшихъ ему бытописателей, новыми взглядами. Съ этою цѣлью въ послѣдніе 10 лѣтъ изданы многіе, дотолѣ неизвѣстные матеріялы; даже было намѣреніе представить въ иномъ, лучшемъ видѣ, все, что писано и Карамзинымъ, и его предшественниками. Плодомъ этихъ усилій были двѣ истины, въ особенности утвердившіяся въ послѣднее время:

Прежде всего образовалось всеобщее убѣжденіе въ томъ, что едва ли есть народъ, который могъ бы съ такими утѣшительными мыслями оглянуться на прошедшее и получить отъ него столько пользы въ настоящемъ, какъ мы, Русскіе. Съ одной стороны, мы съ справедливою гордостію можемъ сказать, что предки наши, застигаемые неоднократно безпримѣрными бѣдствіями, какихъ не вынесъ бы ни одинъ народъ, спасали себя, не случаемъ, не чужеземною помощію, а собственными силами; что они умѣли выпутываться съ честію и славою изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ; что страницы нашей Исторіи ознаменованы болѣе дѣлами доблести, нежели порока, и что, наконецъ, только она описываетъ дѣянія Петра Великаго·

Съ другой стороны, послѣ рѣшительнаго вліянія на насъ Европейскаго образованія, когда пробудилась мысль о народности, обѣщающая столь вожделѣнные плоды въ будущемъ, кто удовлетворительнѣе Исторіи скажетъ намъ, въ чемъ заключаются элементы Русской народности, или тѣ основныя начала, изъ коихъ развилась наша жизнь общественная, гражданская и семейная? Наконецъ, Русская Исторія должна рѣшить, самымъ положительнымъ образомъ, великій современный вопросъ о Польшѣ и о подвластной ей нѣкогда Западной Россіи.

Между тѣмъ съ постепеннымъ развитіемъ идеи о высокомъ значеніи отечественной Исторіи, столь понятномъ для всѣхъ людей просвѣщенныхъ, образовалось убѣжденіе и въ томъ, что большей части нашихъ бытописателей не достаетъ правильнаго критическаго воззрѣнія; что они оставили безъ отвѣта многіе важные вопросы, и что цѣлые періоды нашего государственнаго существованія покрыты непостижимою темнотою, которая лишаетъ почти всѣхъ средствъ извлечь изъ минувшаго пользу для настоящаго. Лучшее, полнѣйшее изъ сочиненій, объясняющихъ древнюю судьбу нашу, *Исторія Государства Россійскаго*, многимъ даже не взыскательнымъ читателямъ стало казаться не удовлетворительнымъ: говорятъ, что при всей красотѣ повѣствованія, оно наполняетъ умъ какими-то несвязными картинами, часто образами безъ лицъ, еще болѣе неправильными очерками; что въ немъ напрасно будетъ искать развитія жизни общественной, успѣховъ законодательства, промышленности. Однимъ словомъ, всѣ постигаютъ высокое значеніе историческаго знанія, и всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, что Россія еще не имѣетъ своей Исторіи.

Виною столь ощутительнаго въ наше время недостатка могутъ быть два главныя обстоятельства: 1) недостатокъ матеріяловъ; 2) неудачный выборъ плана, или неуспѣш-

ное исполненіе его. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко случается слышать, что источники Русской Исторіи слишкомъ скудны, и что нѣтъ ни какого средства объяснить непостижимыя загадки, безпрестанно встрѣчающіяся въ каждомъ періодѣ жизни Русскаго народа. Эта мысль столь распространилась, что многіе изъ нашихъ писателей впадаютъ въ забавныя ошибки; напримѣръ, авторъ книги подъ заглавіемъ: *Царствованіе Алексѣя Михайловича*, говоритъ, что по странному случаю, всѣ акты, относящіеся ко времени сего Государя, истреблены, забывъ, что въ Полномъ собраніи законовъ напечатано 618 однихъ узаконеній Царя Алексѣя Михайловича, и что въ архивахъ хранятся цѣлыя кипы Дворцовыхъ записокъ его времени. Для доказательства, какъ не основательны жалобы на недостатокъ историческихъ матеріяловъ, довольно замѣтить, что Карамзинъ нашелъ свѣдѣнія для 12 томовъ, не коснувшись временъ даже Михаила Ѳеодоровича и подтвердивъ каждый фактъ ссылкою; что о Петрѣ Великомъ мы имѣемъ 30 томовъ Дѣяній, изъ коихъ по крайней мѣрѣ третья часть достовѣрныхъ, кромѣ 15 томовъ Петровыхъ узаконеній. Возразятъ, что не всякому удастся быть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находились Карамзинъ и Голиковъ; отвѣчаю: во-первыхъ, при заботливости нашего Правительства объ успѣхахъ отечественнаго бытописанія, у насъ архивы доступны такъ же, какъ и въ другихъ странахъ; во-вторыхъ, отъ бытописателя требуется не только искусство изложенія, но и трудъ пріисканія и обработки матеріяловъ. Скажу болѣе: даже печатные матеріялы наши такъ обильны, что Гиббонъ навѣрное не имѣлъ въ рукахъ такого сокровища, описывая упадокъ и разрушеніе Римской Имперіи.

Причины неудовлетворительности нашихъ историческихъ сочиненій скрываются въ самомъ планѣ, отъ коего много зависитъ успѣхъ исполненія. Конечно, ни одна изъ

Наукъ, въ примѣненіи къ нашему отечеству, не требуетъ, относительно выбора системы, такихъ глубокихъ соображеній, какъ Русская Исторія. При начертаніи Русской Географіи, Русской Статистики, мы съ успѣхомъ можемъ руководствоваться счастливыми опытами Европейскихъ ученыхъ, заимствовать у нихъ основныя начала въ выборѣ предметовъ, въ раздѣленіи ихъ, въ постепенномъ порядкѣ, въ методѣ изслѣдованія; систему же Русской Исторіи должны ты создать сами, не придерживаясь ни Юма, ни Миллера: ибо у насъ развитіе государственной и гражданской жизни совершалось по инымъ началамъ, подъ вліяніемъ иныхъ обстоятельствъ; но трудность удачнаго выбора системы можетъ служить только оправданіемъ нашихъ историковъ, особенно при началѣ поприща, гдѣ ошибки неизбѣжны; положеніе же, что мы не имѣемъ прагматической Исторіи, основанной на истинныхъ началахъ Науки и соотвѣтствующей потребностямъ времени, остается во всей своей силѣ. Въ доказательство этого положенія, я считаю нужнымъ: 1) изложить главныя условія отечественной Исторіи въ смыслѣ Науки; 2) представить основныя идеи тѣхъ бытописателей, кои, почерпая свои свѣдѣнія изъ первыхъ матеріяловъ, сами служили источниками для сочиненій, имѣвшихъ предметомъ отдѣльныя части отечественной Исторіи.

Исторія Россійскаго Государства, въ смыслѣ Науки, какъ основательное знаніе минувшей судьбы нашего отечества, должна объяснить постепенное развитіе гражданской жизни нашей, отъ перваго начала ея до позднѣйшаго времени, съ тѣмъ, чтобы разливъ свѣтъ на главныя условія быта общественнаго и раскрывъ, почему они существуютъ такъ, а не иначе, указать, какое мѣсто занимаетъ Россія въ системѣ прочихъ государствъ, какія правила политики внутренней и внѣшней наиболѣе были сообразны съ ея выгодами; какія причины, какъ плоды времени и об-

стоятельствъ, ускоряли и замедляли успѣхи промышленности и образованности. Цѣлью Науки опредѣляется предметъ ея. Русская Исторія достигаетъ своей цѣли вѣрнымъ изображеніемъ перемѣнъ, случавшихся въ состояніи Русской Державы, съ указаніемъ причинъ тому и слѣдствій. Такимъ образомъ предметъ ея — постепенный переходъ Россіи изъ одного положенія въ другое. Какъ перемѣны государственныя всегда зависятъ отъ стеченія многихъ обстоятельствъ, отъ причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, отъ прямаго и косвеннаго дѣйствія ихъ: то Исторія должна обнимать все, что имѣло вліяніе на судьбу государства, что оставило по себѣ слѣды замѣтные. Въ слѣдствіе того, она изображаетъ: достопамятныя дѣйствія людей, управлявшихъ внутреннею и внѣшнею политикою Россіи; успѣхи законодательства, промышленности, наукъ и художествъ; вліяніе религіи, нравовъ и обычаевъ.

Въ такомъ смыслѣ, отечественная Исторія займетъ высокое мѣсто въ кругу Наукъ общественнаго образованія. Какъ вѣрная повѣсть всего роднаго, какъ завѣтъ предковъ къ потомству, объясняя рядомъ картинъ геній народа, плоды сѣмянъ добрыхъ и злыхъ, озаряя въ неразрывной цѣпи вѣковъ все отечественное, она разовьетъ идею Россіи во всемъ объемѣ ея, покажетъ истинныя свойства народа и потребности государства, подтвердитъ умозрительныя изслѣдованія всего, что относится до Россіи, и послужитъ лучшимъ пособіемъ къ примѣненію всякаго рода уставовъ: ибо все улучшается опытомъ; Исторія же есть самый обильный запасъ разнообразныхъ опытовъ.

Два условія необходимы для достиженія высокой цѣли Исторіи: прежде всего, самое подробное, вѣрное и отчетливое знаніе фактовъ. Оно пріобрѣтается постояннымъ изученіемъ современныхъ памятниковъ минувшаго и знакомствомъ съ позднѣйшими изыскателями: первые сооб-

щаютъ живое понятіе о старинѣ, вторые поясняютъ недосказанное ими болѣе или менѣе удачными соображеніями. Но этого еще мало: это не что иное, какъ приготовленіе, сборъ матеріяловъ; чтобы воздвигнуть величественное зданіе нуженъ умъ искуснаго зодчаго. Самое подробное знаніе фактовъ не принесетъ существенной пользы, если они не будутъ приведены въ стройную систему, гдѣ каждое явленіе было бы на своемъ мѣстѣ, какъ слѣдствіе предъидущаго и причина послѣдующаго; каждое событіе имѣло бы свое знаменованіе, сообразное съ его важностію, и вело бы къ предполагаемой Исторіею цѣли. Для соединенія же фактовъ въ одно стройное цѣлое, въ одну живую картину минувшаго, правильно очерченную и ярко освѣщенную, необходимо: *a*) вникнуть въ общій смыслъ Исторіи и найти нить, связывающую всѣ явленія непрерывною цѣпью (эта нить образуется самымъ ходомъ событій, вліяніемъ вѣка, геніемъ народа и по мѣрѣ измѣненія тѣхъ и другихъ пружинъ, измѣняетъ свое направленіе); *b*) опредѣлить точки, гдѣ общій ходъ событій получаетъ иной характеръ, въ слѣдствіе стремительнаго переворота дѣлъ, или быстраго развитія гражданственности, и сообразно этому измѣненію, раздѣлить всѣ факты на нѣсколько разрядовъ для лучшаго обзора и уразумѣнія ихъ; *c*) приноравливаясь къ общему историческому ходу, размѣстить всѣ явленія по мѣрѣ важности, такъ, чтобы въ изображеніи ихъ соблюдена была точность и соразмѣрность, съ правильною связью причинъ и слѣдствій. Перспектива, въ особенности правильное освѣщеніе необходимо какъ въ Живописи, такъ и въ Исторіи. Вотъ главныя условія прагматическаго изложенія. Теперь взглянемъ, въ какой степени выполняли ихъ наши бытописатели.

Первоначальною формою нашей Исторіи была Лѣтопись — хронологическая повѣсть событій, безъ всякой прag-

матической связи: люди скромные, любознательные, большею частію безыменные, по всей вѣроятности духовные, вносили въ свои сборники замѣтки о томъ, что они видѣли или слышали, и что по духу времени, по ихъ отношеніямъ, казалось имъ достопамятнымъ: записывали междоусобныя войны Князей, походы на враговъ внѣшнихъ, вторженіе иноземныхъ народовъ, случаи церковные, знаменія небесныя, естественныя бѣдствія, моръ, засуху и проч. Все это идетъ одно за другимъ, большею частію въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Здѣсь не кстати судить о началѣ и достовѣрности нашихъ Лѣтописей; тѣмъ не умѣстнѣе подводить ихъ подъ тѣ условія, которыя мы выше изложили, разсуждая о цѣли, предметѣ и значеніи отечественной Исторіи. Довольно замѣтить, что предки имъ вѣрили безусловно, что въ нихъ они искали отрады въ своихъ страданіяхъ, смотрѣли на нихъ такъ же, какъ мы нынѣ смотримъ на акты государственные, и Патріархъ Ермогенъ, призывая Русскихъ къ спасенію вѣры и отечества, ободрялъ защитниковъ Россіи тѣмъ, что подвиги ихъ онъ впишетъ въ Лѣтописи.

Лѣтописи наши прекратились около того времени, когда быстро изчезли почти всѣ формы древняго Русскаго міра, при Петрѣ Великомъ. Между тѣмъ уже давно пробудилась мысль о сводѣ старинныхъ хроникъ въ одно цѣлое: въ этомъ духѣ составлены были Степенныя книги, Лѣтопись Никона; съ тою же цѣлію, въ первой половинѣ XVIII вѣка трудился и Татищевъ. Предшествовавшіе ему собиратели отличаются отъ лѣтописцевъ только тѣмъ, что иногда вставляли отъ себя немногія разсужденія, чаще выписки изъ Византійскихъ хроникъ, разумѣется, безъ всякихъ признаковъ критическаго изслѣдованія. Татищевъ хотѣлъ составить сводъ ученый: имѣя подъ рукою весьма многіе, по словамъ его, древніе списки, кои большею частію нынѣ утрачены, онъ выбиралъ изъ

нихъ все достопамятное, чисто историческое, и размѣщалъ факты по годамъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, не измѣняя ни тона разсказа, ни самаго языка; сверхъ того писалъ примѣчанія, основываясь отчасти на иноземныхъ авторахъ, о народахъ, издревле обитавшихъ въ Россіи, о географическомъ положеніи мѣстъ, о хронологіи и проч. Не взирая на то, что въ текстѣ онъ ограничивался однѣми Русскими Лѣтописями, трудъ его былъ бы чрезвычайно важенъ для послѣдующихъ бытописателей, какъ собраніе матеріяловъ, если бы авторъ выполнилъ свое предпріятіе отчетливо и добросовѣстно. Вмѣсто безполезныхъ и частію забавныхъ толкованій о Скиѳахъ и Сарматахъ, въ особенности о Сарматскомъ языкѣ, слѣдовало объяснить, какіе были въ рукахъ его списки, къ какому времени они относились, и что именно заимствовано изъ того или другаго. Татищевъ не только все это упустилъ изъ вида, но и навлекъ на себя, едва ли не основательное, подозрѣніе въ подлогѣ: онъ предпочиталъ простымъ, достовѣрнымъ сказаніямъ Нестора нелѣпыя бредни такъ называемой Іоакимовой Лѣтописи, по всѣмъ признакамъ составленной въ новѣйшія времена изъ баснословныхъ преданій Скандинавовъ, съ примѣсью свѣдѣній, сохранившихся въ нашихъ хроникахъ. При такихъ недостаткахъ, трудъ Татищева, коимъ такъ дорожили Миллеръ, Болтинъ и другіе, въ наше время, при строгихъ требованіяхъ исторической критики, не имѣетъ почти ни какой цѣны, не взирая на то, что въ немъ есть показанія весьма важныя, не встрѣчающіяся въ другихъ источникахъ. Опасеніе подлога, въ родѣ Іоакимовой Лѣтописи, устрашаетъ самыхъ довѣрчивыхъ изыскателей.

Татищевъ былъ послѣднимъ представителемъ второй системы нашей исторіографіи, т. е. свода Лѣтописей. Незадолго до него Кн. Хилковъ, или справедливѣе, секретарь Хилкова, вздумалъ изобразить минувшую судьбу

Россіи, въ прагматическомъ разсказѣ, т. е. съ объясненіемъ вліянія одного событія на другое, съ указаніемъ причинъ и слѣдствій, уже не тономъ и не слогомъ Лѣтописей, а въ духѣ современномъ, лучшимъ, по его мнѣнію, языкомъ. Съ тою же цѣлію, съ тѣми же притязаніями, въ первой, и особенно во второй половинѣ XVIII столѣтія, писали Ломоносовъ, Щербатовъ, Элагинъ, Эминъ, Стриттеръ, Левекъ и нѣкоторые другіе. Входить въ подробное разсмотрѣніе плана каждаго сочиненія, было бы утомительно и безполезно. Какую услугу могли принести отечественной Исторіи писатели, изъ коихъ одинъ занимался ею въ Шведской темницѣ безъ необходимыхъ пособій; другой не могъ отличить Владиміра на Клязмѣ отъ Владиміра Волынскаго; третій съ трудомъ понималъ Русскій языкъ; четвертый считалъ преданія объ Ольгиныхъ воробьяхъ такъ значительнымъ, что хотѣлъ собственнымъ опытомъ удостовѣриться въ истинѣ сказанія, и съ приличною важностію описываетъ свои эксперименты; пятый, наконецъ, выдумывалъ не только рукописи, но и печатныя сочиненія, коихъ никогда никто не издавалъ, и на которыя онъ ссылался. Не взирая на всѣ хлопоты, до временъ Карамзина не было и тѣни прагматической Русской Исторіи. Попытки предшествовавшихъ ему писателей нынѣ любопытны только, какъ младенческія лепетанья; у нихъ вы не встрѣтите ни одной яркой мысли, ни одного свѣтлаго взгляда. О точности плана и говорить нечего. Иначе впрочемъ и быть не могло: они занимались Исторіею мимоходомъ, частію отъ скуки, частію по приказанію.

Послѣ такихъ писателей, Карамзинъ явился истиннымъ гигантомъ. Литераторъ просвѣщенный, художникъ по призванію, по влеченію души, отказавшійся отъ всѣхъ расчетовъ честолюбія для одной Науки, постоянно вѣрный до конца жизни своему зову, онъ рѣшился написать Ис-

торію своего отечества съ истиннымъ рвеніемъ художника, съ огромнымъ запасомъ матеріяловъ, со всею отчетливостію, какую только требовала важность предмета, и совершилъ подвигъ великій съ честію и славою. Ему надлежало бороться съ непомѣрными затрудненіями: не имѣя ни одного надежнаго путеводителя, исключая Шлецера (и то только до Владиміра), онъ долженъ былъ собирать матеріялы, о существованіи коихъ никто даже не предполагалъ; соглашать безпрестанныя противорѣчія въ числахъ, въ именахъ лицъ, въ названіи городовъ, народовъ; бороться съ укоренившимися предразсудками; однимъ словомъ разработывать руду неоцѣненную, но почти не тронутую; онъ, говорю, исполнилъ свой долгъ съ честію и славою: самые строгіе судьи его могутъ говорить, разсуждать и спорить только о томъ, что описалъ Карамзинъ; далѣе предѣла, гдѣ пресѣклась его Исторія, они не восходятъ.

Главною цѣлію Карамзина было, собрать свѣдѣнія о минувшей судьбѣ отечества изъ всѣхъ возможныхъ источниковъ, размѣстить ихъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ и одѣть въ изящную форму разсказа. Заботливость его о сохраненіи всѣхъ преданій минувшаго простиралась до такой степени, что самые ничтожные случаи, даже сказки, нашли мѣсто въ его сочиненіи, если не въ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ. Кромѣ того, ни одно, сколько нибудь важное, показаніе не осталось безъ подтвержденія ссылками на первые источники. Этого мало: авторъ не довольствовался однимъ наборомъ фактовъ; держась строго хронологіи, онъ старался дать значеніе каждому событію, угадывалъ характеръ дѣйствовавшихъ лицъ, вникалъ въ духъ времени, собиралъ черты жизни гражданской и семейной, слѣдилъ за промышленностью, законодательствомъ, словесностью, художествами, ремеслами;

однимъ словомъ, хотѣлъ нарисовать самую полную картину Россіи.

Главнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли, онъ признавалъ искусство разсказа, говоря, что «знаніе всѣхъ «правъ на свѣтѣ, ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольте- «рово, ни самое глубокомысліе Макіавеля, въ историкѣ не «замѣняютъ таланта изображать дѣйствія.» Многіе упрекали Карамзина за предпочтеніе разсказа всѣмъ другимъ достоинствамъ бытописателя: ибо въ такомъ случаѣ Исторія будетъ повѣстью, сказкою, а не Наукою, имѣющею предметомъ развитіе идеи о человѣчествѣ. Упрекъ не справедливый: Карамзинъ смотрѣлъ на искусство повѣствованія, какъ на умѣнье автора выражать ясно, вѣрно, изящнымъ слогомъ, не безотчетныя идеи, а результатъ предварительныхъ критическихъ соображеній. Онъ не хотѣлъ затемнять текстъ изслѣдованіемъ противорѣчій другихъ историковъ, помѣщая свои разысканія въ примѣчаніяхъ, и стараясь представить только то, что послѣ многихъ изслѣдованій считалъ результатомъ.

Не оспаривая началъ, принятыхъ Карамзинымъ, и признавая ихъ совершенно сообразными съ цѣлію Исторіи, имѣющей предметомъ развитіе государственной жизни, разсмотримъ, въ какой степени онъ выполнилъ свое предпріятіе. Само собою разумѣется, что здѣсь первый вопросъ о томъ, какъ смотрѣлъ онъ на общій ходъ событій. Основная мысль его о характерѣ Русской Исторіи выражена слѣдующимъ образомъ: «Мужъ ученый и слав- «ный, Шлецеръ, сказалъ, что наша Исторія имѣетъ пять «главныхъ періодовъ; что Россія отъ 862 года до Свято- «полка должна быть названа раждающеюся; отъ Ярослава «до Монголовъ, раздѣленною; отъ Батыя до Іоанна III, «угнетенною; отъ Іоанна до Петра Великаго, побѣдонос- «ною; отъ Петра до Екатерины II, процвѣтающею. Сія «мысль, замѣчаетъ Карамзинъ, кажется мнѣ болѣе остро-

«умною, нежели основательною: 1) Вѣкъ Св. Владиміра «былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія; «2) Государство дѣлилось и прежде 1015 года; 3) если «по внутреннему состоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ Рос- «сіи, надобно означать періоды, то можно ли смѣшать въ «одно время Великаго Князя Димитрія Александровича «и Донскаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) «вѣкъ Самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, не- «жели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе, за- «ключаетъ Исторіографъ, Исторія наша дѣлится на Древ- «нѣйшую отъ Рюрика до Іоанна III, на Среднюю отъ Іо- «анна до Петра, и Новую отъ Петра до Александра. Си- «стема удѣловъ была характеромъ первой эпохи, едино- «властіе второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ тре- «тьей.»

Съ перваго взгляда доводы Карамзина кажутся основательными, и читатель изумляется, какъ могъ такой ученый и отчетливый систематикъ, какъ Шлецеръ, впасть въ столь грубую ошибку. Но вникая въ основныя начала того и другаго писателя, мы находимъ, что раздѣленіе Шлецера, имѣющее свои неудобства, правильнѣе раздѣленія Карамзина. Доказательства наши слѣдующія:

1) Шлецеръ, назвавъ Русь до Святополка (или справедливѣе до Ярослава I) раждающеюся, очевидно хотѣлъ сказать, что не прежде, какъ въ первой половинѣ XI вѣка, установились главныя условія ея бытія, опредѣлились границы Русской земли, исчезло различіе между Славянами и поселившимися среди ихъ Норманнами; означились отношенія Великаго Князя къ Удѣльнымъ; главное же, утвердилась Христіанская вѣра Греческаго закона. Послѣднее условіе рѣшило навсегда судьбу Руси, отдаливъ ее отъ Рима и положивъ начало самобытному государству.

2) Удѣльная система, согласно съ мнѣніемъ Шлецера,

была господствующею, главною пружиною, только отъ Ярослава до Монголовъ. Она обнаруживалась и прежде Ярослава, но тогда уступала внѣшнему расширенію Норманновъ, или стремленію ихъ къ завоеванію земли Славянской; обнаруживалась и послѣ нашествія Монголовъ, но тогда ее подавляло господство Золотой Орды, дававшее направленіе всѣмъ событіямъ.

3) Столь же правильно опредѣлилъ Шлецеръ общій характеръ времени отъ нашествія Монголовъ до Іоанна III, назвавъ Россію угнетенною. Подвигъ Димитрія Донскаго возвысилъ Москву и Князей ея внутри Россіи, показалъ возможность свергнуть иго рабства, но не спасъ отечества отъ Монголовъ; самъ Димитрій, послѣ побѣды Куликовской, платилъ дань; сынъ его ѣздилъ въ Орду бить челомъ; внукъ судился тамъ съ родственниками, и только воля Хана утвердила его на престолѣ Великаго Князя.

4) Наконецъ, опровергая мнѣніе Шлецера о четвертомъ періодѣ, когда Россія, по словамъ ученаго критика, была *побѣдоносною*, Карамзинъ видитъ въ эпохѣ Самозванцевъ одно злосчастіе. Но если предки наши восторжествовали, отбились отъ враговъ, тѣснившихъ отечество со всѣхъ сторонъ, кончили борьбу со славою: развѣ это не побѣда? Безъ сомнѣнія тѣмъ славнѣйшая, чѣмъ затруднительнѣе было положеніе Россіи. Притомъ же паденіе Золотой Орды, расширеніе предѣловъ на западѣ, завоеваніе Царства Казанскаго, почти всей Сибири, пріобрѣтеніе Малороссіи, все это совершилось въ то время, которое Шлецеръ назвалъ побѣдоноснымъ. Конечно, случались неудачи; но вообще перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ. — Ниже объяснится односторонность и неполнота раздѣленія Шлецерова. Правильнѣе ли смотрѣлъ Карамзинъ на ходъ нашихъ событій?

Сказавъ: «Русская Исторія лучше, истиннѣе, скромнѣе

дѣлится на *Древнюю, Среднюю* и *Новую*», онъ очевидно принималъ эти слова въ томъ значеніи, въ какомъ понимаютъ ихъ Европейскіе ученые при разсматриваніи Всемірной Исторіи; т. е. Древняя Исторія представляетъ міръ исчезнувшій; Средняя служитъ переходомъ отъ Древняго къ Новому; Новая объясняетъ начало и развитіе тѣхъ элементовъ, изъ коихъ образовалась современная жизнь. Если допустить эти основанія, идея о древнемъ Русскомъ мірѣ поведетъ къ ложнымъ умозаключеніямъ. Въ такомъ случаѣ надобно будетъ предположить, что со временъ Іоанна III, послѣ крутаго переворота, начался новый порядокъ вещей, измѣнились отношенія внутреннія и внѣшнія, и весь составъ государства былъ потрясенъ въ своихъ основаніяхъ. Но событія говорятъ противное: Іоаннъ III и преемники его развивали ту же мысль, которая родилась почти за полтораста лѣтъ до него въ головѣ Іоанна Калиты; именно: главною цѣлію всѣхъ Государей Московскихъ было: сосредоточить Русскую землю въ одно цѣлое, утвердить ее за однимъ родомъ, избавить отъ чуждаго вліянія Монголовъ и Поляковъ. Всѣ они дѣйствовали въ одномъ духѣ, болѣе или менѣе удачно, приноровляя политику къ обстоятельствамъ времени, то лаская враговъ, то сокрушая ихъ оружіемъ. Въ слѣдствіе того, все, что не противорѣчило ихъ намѣреніямъ, оставалось неизмѣннымъ: внутреннее устройство, въ отношеніи къ суду и расправѣ, къ финансовой системѣ, къ управленію церкви, было развитіемъ и поясненіемъ прежняго порядка вещей. Все старое оставалось по старому, если только согласовалось съ политикою Государей Московскихъ. Что значатъ судебники, уставныя грамматы, тарханныя, таможенныя? Это не что иное, какъ выраженіе давно существовавшихъ законовъ, или обычаевъ, имѣвшихъ силу закона, съ дополненіемъ новыхъ правилъ, но въ прежнемъ духѣ. Конечно, удѣльная система исчезла,

но не вдругъ, не при Іоаннѣ III: она стала исчезать при Іоаннѣ Калитѣ и рушилась окончательно при Іоаннѣ IV. Иго Монгольское равнымъ образомъ ослабѣвало исподоволь, съ постепеннымъ развитіемъ могущества Государства Московскаго, отъ Іоанна Калиты до конца княженія Іоанна III, если не до Іоанна IV. Іоаннъ III безъ сомнѣнія начинаетъ новую эпоху въ Русской Исторіи, но въ такомъ же почти смыслѣ, какъ служили эпохами правленіе Ярослава I, нашествіе Монголовъ, правленіе Іоанна Калиты, Самозванцы, вступленіе на престолъ Михаила Ѳеодоровича, и раздѣлять временемъ Іоанна III все пространство отъ начала Руси до Петра Великаго на двѣ отличныя половины, мнѣ кажется ошибкою, тѣмъ болѣе важною, что отъ этого зависитъ неправильное воззрѣніе какъ на общій ходъ событій, такъ и на частныя подробности: ибо авторъ долженъ былъ придерживаться главной идеи, принятой имъ за основаніе.

Отличительнымъ характеромъ Древней Исторіи, говоритъ Карамзинъ, была система удѣловъ. Я согласенъ, что право удѣльное опредѣляло порядокъ престолонаслѣдія и взаимныя отношенія членовъ господствующей фамиліи; но 1) справедливо ли принимать одно право престолонаслѣдія основаніемъ историческаго дѣленія? не слѣдуетъ ли обращать вниманія на другія обстоятельства, особенно, когда видимъ, что удѣльная система была господствующимъ явленіемъ, источникомъ событій только отъ Ярослава до Монголовъ, до Ярослава же, главнымъ явленіемъ было быстрое расширеніе Норманскаго господства надъ Славянами и основаніе Руси, а съ покореніемъ отечества Монголами, начался раздѣлъ Руси на Восточную и Западную и образовались два могущественныя государства, Московское и Литовское? 2) Право удѣльное господствовало у насъ до самаго прекращенія Рюриковой династіи въ лицѣ Царевича Димитрія Угличкаго, послѣд-

няго Удѣльнаго Князя. Слѣдовательно, въ такомъ случаѣ удѣльная система будетъ служить отличительнымъ характеромъ нашей Исторіи не до половины XV вѣка, а полтораста лѣтъ долѣе, до конца XVI вѣка. Вы скажете, что послѣ Іоанна III ее замѣнили иныя пружины; я отвѣчаю: то же самое было до Ярослава, то же самое при Монголахъ, особенно если не упустимъ изъ вида западной Россіи, гдѣ удѣльная система рушилась за 100 лѣтъ до Іоанна III.

Касательно идеи Карамзина о Средней Исторіи, или о пространствѣ времени отъ Іоанна III до Петра Великаго, мы уже выше замѣтили, что этого названія нельзя допустить въ смыслѣ перехода отъ древняго порядка вещей къ новому, тѣмъ болѣе, что здѣсь не было аналогическихъ явленій съ папизмомъ и феодализмомъ. Переходъ отъ древняго міра къ новому у насъ былъ дѣйствительно; но онъ совершился въ одно царствованіе Петра Великаго, въ началѣ XVIII вѣка: здѣсь предѣлъ древняго Русскаго міра и начало тѣхъ элементовъ, изъ коихъ образовалась нынѣшняя сфера наша. Не правильно будетъ названіе Средней Исторіи и въ томъ смыслѣ, какой даетъ ей Карамзинъ, сказавъ, что отличительною чертою ея было стремленіе къ самодержавію. Это стремленіе родилось въ умѣ Іоанна Калиты, живо обнаружилось при Димитріи Донскомъ и достигло своей цѣли при Іоаннѣ III. Съ тѣхъ поръ самодержавіе было принято за непремѣнное условіе бытія Русской Державы, такъ точно, какъ Христіанская Вѣра Греческаго исповѣданія. Напрасно будемъ приводить въ примѣръ Іоанна IV: Іоаннъ допустилъ на нѣсколько лѣтъ управлять собою Сильвестру и Адашеву, не думавшимъ впрочемъ о правѣ удѣльномъ; но какъ скоро онъ изъявилъ намѣреніе править самъ, никто съ нимъ не спорилъ. Если же Іоаннъ губилъ вельможъ, истреблялъ княжескія поколѣнія, то онъ же губилъ слабыхъ женщинъ,

служителей своихъ, иноковъ, родныхъ, наконецъ умертвилъ и собственнаго сына. Слѣдовательно, въ дѣйствіяхъ его обнаруживается не потребность вѣка, а причудливость нрава. Самъ авторъ видѣлъ невозможность держаться принятой имъ идеи: ибо чѣмъ наполнилъ онъ разсказъ отъ начала XVI, даже отъ половины XV вѣка, до начала XVII столѣтія? Войнами съ Монголами, съ Польшею, Ливонскимъ Орденомъ, съ Швеціею, отчасти дѣйствіями внутренняго управленія.

Онъ измѣнилъ своей идеѣ однакожь только въ Средней Исторіи; въ Древней хотѣлъ быть вѣренъ принятымъ началамъ, и впалъ въ другую, не менѣе важную ошибку. Все пространство времени отъ пришествія Рюрика до половины XV вѣка представляетъ непрерывную цѣпь княжескихъ междоусобій, описанныхъ со всѣми мелочными подробностями: ни одно движеніе самаго ничтожнаго Князя не оставлено безъ вниманія, если только оно сохранилось въ лѣтописяхъ, между тѣмъ, какъ другіе важнѣйшіе предметы, имѣвшіе рѣшительное вліяніе на судьбу нашего отечества, замѣчены слегка, какъ будто вскользь, и то въ связи съ удѣльными бранями. Въ доказательство моихъ словъ, укажу на главныя явленія, упущенныя имъ изъ вида:

1) Авторъ принимаетъ за истину, что Норманны положили въ землѣ Славянской начало Руси; слѣдовательно, какъ виновники бытія Русской Державы, они заслуживали самаго тщательнаго вниманія бытописателя. Мы вправѣ требовать, чтобы онъ далъ ясную идею о Норманнахъ, о характерѣ ихъ дѣйствій въ другихъ странахъ Европы, о правилахъ, коимъ они слѣдовали, утверждая свое господство, объ отношеніяхъ побѣдителей къ побѣжденнымъ, о томъ, что они могли ввести въ покоренныя страны и что сами могли заимствовать, и проч. Въ такомъ случаѣ, читатель былъ бы въ состояніи смотрѣть съ

правильной точки зрѣнія на первые два вѣка своего отечества, когда брошены были сѣмена послѣдующихъ явленій. Вмѣсто того, въ *Исторіи Государства Россійскаго* хитрости Ольгины описаны со всѣми подробностями сказки, даже съ догадками и предположеніями; о Норманнахъ мы находимъ нѣсколько словъ. Возраженіе, что авторъ не могъ дополнять лѣтописей, разсказывающихъ о началѣ Руси весьма кратко, будетъ не основательно: Эверсъ, разсматривая тотъ же предметъ, только въ одномъ отношеніи къ развитію права, нашелъ средства дать ясную идею о господствѣ Норманновъ.

2) Столь же мало развито понятіе о слѣдствіяхъ введенія Христіанской Вѣры Греческаго исповѣданія и о вліяніи Византіи. Можно ли умолчать объ этомъ предметѣ, когда размыслимъ, что со введеніемъ Греческаго исповѣданія, судьба нашего отечества приняла совершенно отличное направленіе отъ судьбы западныхъ народовъ, что Вѣра Христіанская Греческаго закона, при самомъ началѣ, посредствомъ перевода Библіи на Славянскій языкъ, слилась съ Русскою жизнію и составила первое, главнѣйшее условіе нашей народности, и что наконецъ изъ Византіи заимствовано все устройство нашей іерархіи, столь сильно дѣйствовавшей во всѣхъ Христіанскихъ государствахъ на гражданскую участь народовъ? Авторъ слегка намѣкаетъ на означенные нами предметы; но этого мало. По самому свойству, подобныя явленія должны стоять на первомъ планѣ, а не въ тѣни.

3) Къ той же категоріи относится владычество Монголовъ надъ Русскою землею; недостатки изложенія тѣ же. Здѣсь упущены два обстоятельства: первое, какъ властвовали Монголы, почему оставили Русскихъ Князей на престолахъ, отъ чего сами не поселились въ нашемъ отечествѣ, въ какихъ отношеніяхъ были къ Князьямъ, до какой степени вмѣшивались во внутреннее управленіе;

второе, какія были слѣдствія Монгольскаго ига, какъ долго они сохранялись, когда исчезли, или замѣтны и донынѣ. Авторъ говоритъ о послѣднемъ обстоятельствѣ; но упустивъ изъ вида первое, онъ не могъ вполнѣ обнять втораго. Въ его сочиненіи нѣтъ даже связной Исторіи Золотой Орды, между тѣмъ, какъ она властвовала надъ нами и была главною пружиною важнѣйшихъ явленій. Нельзя оправдываться недостатками матеріяловъ: изъ записокъ однихъ Латинскихъ миссіонеровъ можно сдѣлать многіе выводы, не говоря объ источникахъ восточныхъ.

Здѣсь однакожъ кстати повторить прежнее наше замѣчаніе: мы не думаемъ обвинять Карамзина. Онъ совершилъ такой подвигъ, что поистинѣ нельзя не удивляться ему, — и упрекать его, почему онъ не сдѣлалъ того, другаго, было бы не справедливо. Чтобы написать одну Исторію Золотой Орды, потребуется, можетъ быть, по крайней мѣрѣ половина труда и времени, употребленнаго Карамзинымъ на сочиненіе 12 томовъ; онъ сдѣлалъ все, что могъ, и безъ сомнѣнія болѣе, чѣмъ ожидали современники, при необработанности нашихъ матеріяловъ. Мы разсуждаемъ только о томъ, въ какомъ положеніи находится наша прагматическая Исторія, какіе видимъ въ ней недостатки, и на что надобно обратить особенное вниманіе новыхъ тружениковъ.

Но если мы не вправѣ требовать отъ Карамзина огромныхъ ученыхъ разысканій, едва ли даже возможныхъ при тогдашнемъ положеніи матеріяловъ, то съ другой стороны вправѣ желать болѣе отчетливости, болѣе системы въ изложеніи самыхъ фактовъ. Не забудемъ, что искусство изображать событія считалъ самъ Исторіографъ главнымъ достоинствомъ бытописателя, выше всякой учености. Въ какой же степени красоты изложенія выкупаютъ недостатки общаго плана?

Искусство разсказа, по моему понятію, состоитъ въ сча-

стлвомъ талантѣ повѣствователя: говорить плавно, ясно, сообразно съ предметомъ; сцѣплять всѣ случаи или факты непрерывною цѣпью; давать каждому изъ нихъ свой вѣсъ; удачно опредѣлять тотъ моментъ, когда положеніе дѣлъ измѣняется; наконецъ въ повѣствованіи такихъ случаевъ, гдѣ на сценѣ являются въ одно время многіе дѣйствователи, каждому изъ нихъ указывать свое мѣсто, и притомъ слѣдить не столько лица, сколько общій ходъ событій. Прилагая эти начала къ разсказу Карамзина, я нахожу слѣдующее: слогъ его въ полномъ смыслѣ заслуживаетъ названіе образцоваго, по чистотѣ, ясности, точности языка и по сообразности съ предметомъ. Если авторъ пойметъ свой предметъ, онъ разскажетъ такъ, что самъ Титъ-Ливій не превзойдетъ его. Звучные, стройные періоды Карамзина, гдѣ каждое слово на своемъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ничего лишняго, ничего неумѣстнаго, тѣмъ болѣе неправильнаго, доселѣ служатъ образцомъ Русскаго слога и превосходнѣйшею школою для молодыхъ писателей. Можно ручаться, что *Исторія Государства Россійскаго* всегда будетъ стражемъ нашего языка противъ всѣхъ усилій истерзать его нововведеніями.

Но, разсматривая порядокъ изложенія, я встрѣчаю весьма важные недостатки. Авторъ ведетъ не нить событій, постепенно обнаруживавшихся въ нашемъ отечествѣ, а рядъ Великихъ Князей и Царей. Сообразно принятому имъ плану, каждая глава его Исторіи заключаетъ не общее какое нибудь явленіе, что нибудь цѣлое, образовавшееся изъ многихъ частныхъ событій и господствовавшее въ извѣстныхъ границахъ, а біографію Великаго Князя или Государя. Онъ разсказываетъ, напримѣръ, о Владимірѣ Мономахѣ: говоритъ, какъ Владиміръ вступилъ на престолъ, какъ онъ княжилъ въ своихъ удѣлахъ, что въ то же время происходило въ другихъ Княжествахъ, хотя Владиміръ тамъ и не господствовалъ; какіе издалъ законы

какъ умеръ, и что наконецъ еще замѣтили Лѣтописцы объ его времени: были ли перемѣны въ Церкви, случались ли знаменія небесныя, засухи и т. п. потомъ начинаетъ главу о сынѣ его, Мстиславѣ Великомъ, и разсказываетъ объ немъ въ томъ же порядкѣ, подводя событія разныхъ Удѣльныхъ Княжествъ подъ одинъ извѣстный годъ. Такой планъ изложенія утомителенъ и для автора и для читателя. Авторъ встрѣчаетъ величайшее затрудненіе соединить разнообразные случаи въ одну раму, особенно, если хочетъ показать еще взаимную связь ихъ. Ему остается держаться тона лѣтописнаго; иначе онъ впадетъ въ погрѣшности, если захочетъ связать факты не хронологіею, а прагматизмомъ. Тѣмъ тягостнѣе читателю, который, не имѣя ни какой нити къ соображенію, не въ силахъ постигнуть, отъ чего все это было и къ чему все это ведетъ, что разсказываетъ авторъ. Кромѣ того, неизбѣжна безпрестанная перемѣна сцены дѣйствія: напримѣръ, одинъ Князь Черниговскій жилъ въ правленіе трехъ Великихъ Князей Суздальскихъ: авторъ принужденъ обращаться къ нему 6, 10 разъ, оставлять его и снова выводить на сцену, единственно отъ того, чтобы показать случаи одного года, хотя не имѣющіе ни какой связи между собою. — Неудобства этого плана въ особенности ощутительны при описаніи событій XI, XII и XIII столѣтій: ни какая память не въ силахъ обнять того, что разсказываетъ Исторіографъ объ удѣльныхъ браняхъ. Князья являются, спорятъ, толпятся, исчезаютъ, уступаютъ мѣсто другимъ Князьямъ; чѣмъ ближе къ Монголамъ, тѣмъ труднѣе сообразить ходъ событій. Между тѣмъ не надобно думать, чтобы Удѣльный періодъ былъ такъ запутанъ и непонятенъ: должно только слѣдить общее направленіе событій и не привязывать ихъ къ одному лицу Князей Суздальскихъ. Ниже я постараюсь доказать это положеніе.

Раздѣленіе Исторіи на главы по царствованіямъ Государей, можно допустить со временъ Іоанна Калиты, когда все становится дѣломъ отдѣльнаго лица; но и здѣсь, описывая правленіе какого нибудь Государя, необходимо вести болѣе прагматическую нить, нежели хронологическую. Первый вопросъ—какое значеніе извѣстнаго Государя, напримѣръ Іоанна III, въ нашей Исторіи? Второй—какими средствами дѣйствовалъ Іоаннъ и какъ дѣйствовалъ? Авторъ видитъ въ немъ Государя великаго, уничтожившаго удѣльную систему, покорившаго Новгородъ, свергнувшаго иго Монголовъ, познакомившаго Россію съ Европою, наконецъ мудраго строителя Державы. Идея справедливая, при всей неполнотѣ ея; но прочтите Исторію Іоанна, вникните во всѣ дѣла его: въ умѣ вашемъ останется совсѣмъ не тотъ порядокъ явленій, коего держался Исторіографъ. Въ вашей памяти рѣзко запечатлѣются слѣдующія явленія: прежде всего остается мысль о раздѣленіи отечества на многіе удѣлы; далѣе вы видите постепенное уничтоженіе этихъ удѣловъ; потомъ рѣшительный ударъ, нанесенный Новгороду; послѣ того постепенное сверженіе ига; борьбу съ родомъ Гедимина за Русь западную; начало тѣсной связи съ Европейскими Государями, и такъ далѣе. Раскрытіе этихъ явленій надлежало, по моему мнѣнію, представить какъ нѣчто цѣлое, въ отдѣльныхъ картинахъ, именно потому, что они большею частію не сцѣплялись одно съ другимъ и развивались въ своей сферѣ. Всѣ они проистекали изъ одной мысли Іоанна—о необходимости сосредоточить Русскую землю въ одно самостоятельное, независимое Государство; но каждое шло своею полосою. Слѣдовательно, безпрестанно разрывать ихъ, единственно для того, что въ такомъ-то году случилось то-то и то-то, значитъ писать не прагматическую Исторію, а Лѣтопись, чего не желалъ однако авторъ. Если бы онъ велъ нить событій однородныхъ,

то не впалъ бы во многія погрѣшности. Напримѣръ, въ самомъ началѣ исторіи Іоанна, представляя всеобщее уныніе народа, послѣ предшествовавшихъ бѣдствій при Василіи Темномъ, увеличившееся мыслію о близкомъ концѣ міра, авторъ говоритъ, что Великій Князь хотѣлъ ободрить народъ и предпринялъ походъ на Казань. Но, во 1) едва ли война можетъ служить ободреніемъ народу; во 2) всѣ послѣдующія дѣйствія Іоанна служатъ доказательствомъ, что покореніе Казани онъ считалъ однимъ изъ главныхъ средствъ къ сверженію ига, напрягалъ всѣ усилія для ея обузданія и достигъ своей цѣли. Слѣдовательно, Казанскія войны его имѣютъ высокое значеніе и тѣсно связаны не съ мыслію о преставленіи свѣта, а съ рѣшительнымъ намѣреніемъ освободить Россію отъ Монголовъ. Приведу другой примѣръ: вслѣдъ за описаніемъ неудачнаго похода Ахматова на Россію, авторъ говоритъ: «вскорѣ послѣ того Великій Князь и всѣ Москвитяне «были огорчены преждевременною кончиною Юрія Ва«сильевича.» Если бы цѣлью его сочиненія было показать, когда радовался и печалился Іоаннъ, извѣстіе о смерти Юрія было бы на своемъ мѣстѣ; но авторъ желалъ изобразить, что было и какъ было въ нашемъ отечествѣ: смерть Юрія была важнымъ событіемъ для удѣльной системы; Великій Князь присоединилъ его города къ своей отчинѣ. Конечно, послѣдовательный, хронологическій порядокъ событій есть необходимое условіе историческаго сочиненія; но онъ измѣняется по цѣли автора: большое различіе, пишетъ ли онъ Лѣтопись, или прагматическую Исторію. Въ первомъ случаѣ, онъ обязанъ слѣдить день за день и обращать вниманіе на порядокъ времени, не думая о разнородности событій; во второмъ, онъ размѣщаетъ факты на извѣстные разряды и показываетъ взаимное вліяніе одного на другой. Приведу еще одинъ примѣръ: въ числѣ событій времени Василія Темнаго

описанъ Флорентійскій соборъ весьма подробно. Этотъ случай чрезвычайно важенъ въ нашей Исторіи, но въ отношеніи не къ Василію Темному, а къ судьбѣ Западной Россіи, какъ зародышь Уніи, которая также разсказана не у мѣста въ исторіи Ѳеодора Іоанновича, между тѣмъ, какъ она имѣла рѣшительное, прямое вліяніе на судьбу не Московскаго Государства, а Литовскаго Княжества.

Въ подтвержденіе моихъ мыслей о недостаткахъ прагматическаго изложенія Исторіи Государства Россійскаго, я обратилъ вниманіе на тѣ части, которыя лучше другихъ отдѣланы. Если бы разсматривать слабѣйшія мѣста, напримѣръ Удѣльный періодъ, мы увидѣли бы еще болѣе несообразностей. Довольно замѣтить, что авторъ, описывая XII и XIII столѣтія, выставляетъ на первомъ планѣ обыкновенно Князей Суздальскихъ, какъ будто они властвовали надъ всею Русскою землею; между тѣмъ ходъ событій удостовѣряетъ, что въ Русской землѣ въ началѣ XIII столѣтія было по крайней мѣрѣ 10 системъ или государствъ, раздѣленныхъ на многіе удѣлы и имѣвшихъ своего Великаго Князя. Многіе изъ нихъ, напримѣръ, Галицкіе Великіе Князья играли роль важнѣе Суздальскихъ.

Сообразивъ все вышесказанное, я вывожу слѣдующее положеніе: Карамзинъ заставилъ насъ забыть почти всѣхъ предшествовавшихъ ему бытописателей и оказалъ величайшую услугу отечественной Исторіи тѣмъ, что онъ привелъ въ извѣстность почти всѣ ея источники, выбралъ изъ нихъ факты съ рѣдкою отчетливостію и добросовѣстностью, не упустивъ ни одной черты, ни одного замѣчательнаго слова; представилъ событія въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ и приготовилъ матеріялы для прагматическаго бытописателя. Трудъ его всегда будетъ украшать нашу Словесность, какъ богатѣйшій запасъ историческихъ свѣдѣній, изложенныхъ самымъ изящнымъ слогомъ. Но прагмати-

ческій бытописатель долженъ искать въ немъ однихъ фактовъ, и каждую догадку или предположеніе его подвергать строгой исторической критикѣ: ибо въ слѣдствіе принятаго Исторіографомъ плана, при недостаткѣ критическаго воззрѣнія, выводы его не всегда могли быть вѣрны.

Оправдывая незабвеннаго Исторіографа самою огромностію предпринятаго имъ труда, и признавая въ немъ явный перевѣсъ достоинствъ надъ недостатками, мы тѣмъ болѣе вправѣ судить строго современнаго намъ писателя, автора *Исторіи Русскаго народа*, который, рѣшившись написать прагматическую Исторію, послѣ Карамзина, имѣлъ гораздо болѣе готовыхъ матеріяловъ, открытыхъ какъ предшественникомъ его, такъ и другими учеными изыскателями. Мы не станемъ входить въ подробное изслѣдованіе его сочиненія, считая достаточнымъ опредѣлить, лучше ли Карамзина понималъ онъ отечественную Исторію, чего искалъ въ ней, что нашелъ и какъ представилъ найденное имъ?

Полевой писалъ не Исторію Государства Россійскаго, какъ того хотѣлъ Карамзинъ, а *Исторію Русскаго народа*. По мнѣнію его, въ словахъ *Русское Государство* заключалась главная ошибка прежнихъ писателей: «Государ-«ство Русское, говоритъ онъ, начало только существовать «со времени сверженія ига Монгольскаго. Рюрикъ, Си-«неусъ, Труворъ, Аскольдъ, Диръ и Рогволодъ основали «не одно, но отдѣльныя, разныя государства. Три «первые были соединены Рюрикомъ; съ переселеніемъ «Олега въ Кіевъ, послѣдовало отдѣленіе сѣверной Руси «и образованіе оной въ видѣ республики. Кіевское Го-«сударство, усиленное Игоремъ, Ольгою, Святославомъ, «Владиміромъ и Ярославомъ, дѣлилось потомъ особо отъ «сѣвера и представляло особую систему фодальныхъ

«Русскихъ государствъ. При такомъ взглядѣ, заключаетъ «авторъ, измѣняется совершенно вся Древняя Исторія «Россіи, и можетъ быть только Исторія Русскаго наро- «да, а не Исторія Русскаго государства.» Вотъ всѣ доводы, на коихъ онъ утвердилъ основную идею объ отечественной Исторіи. Если даже признать ихъ удовлетворительными, то автору слѣдовало кончить свой трудъ половиною XV вѣка; отъ сего же времени говорить не о народѣ, а о государствѣ; между тѣмъ онъ намѣренъ довести свое сочиненіе до нашихъ временъ, подъ прежнимъ заглавіемъ, хотя самъ же признается, что со времени Іоанна III идетъ Исторія государства, а не народа. Мнѣ кажется, здѣсь явная несообразность.

Кромѣ того, нельзя принять изложенныхъ имъ доводовъ основаніемъ и той мысли, что до половины XV вѣка мы видимъ народъ, а не государство. Что такое государство? Соединеніе поколѣній одного извѣстнаго племени или нѣсколькихъ племенъ въ одно гражданское общество, имѣющее свои законы, свою вѣру и управляемое верховною властію. Допустимъ, что въ первые шесть или семь вѣковъ бытія Руси было въ ней нѣсколько такихъ обществъ, возникшихъ въ Славянскомъ племени и основанныхъ Норманнами, значитъ, что Русь была раздѣлена на нѣсколько государствъ, въ чемъ согласенъ и самъ авторъ; слѣдовательно, надлежало только говорить не объ одномъ, а о многихъ государствахъ; или справедливѣе, надобно было писать Исторію Руси, не страны и не народа, а государства, подвластнаго одной господствующей фамиліи, раздѣленнаго сначала, по удѣльному праву, между многими владѣтелями одного дома, въ послѣдствіи между двумя отраслями, между поколѣніемъ Іоанна Калиты и домомъ Гедимина. Все будетъ рѣчь о государствѣ, или, если угодно, о государствахъ, а не о народѣ. По смыслу Русскаго языка, Исторія народа мо-

жетъ быть въ такомъ только случаѣ, когда главнымъ дѣйствующимъ лицемъ будетъ народъ, такъ точно, какъ напримѣръ, Исторія Петра Великаго, Фридриха II, Французской Революціи. У Полеваго народъ также рѣдко является на сценѣ, какъ и у Карамзина—и весьма естественно: все зависѣло отъ Князей; народъ, исключая одного Новгорода и частію Пскова, былъ въ сторонѣ.

Но это мало: въ самыхъ доводахъ автора нѣтъ исторической истины; онъ говоритъ: во 1) что въ самомъ началѣ основано не одно, а шесть отдѣльныхъ Русскихъ государствъ. Мнѣніе не справедливое: государства Рюриково, Синеусово, Труворово составляли одну державу, сперва раздѣленную между тремя братьями, по праву удѣльному, потомъ чрезъ два года соединившуюся въ одно цѣлое, по смерти двухъ братьевъ. О Рогволодѣ Полоцкомъ сказаніе лѣтописи слишкомъ не ясно и не опредѣлительно, чтобы изъ него вывести какой нибудь положительный фактъ. Во многихъ лѣтописяхъ именно сказано, что Полоцкъ принадлежалъ Рюрику. Аскольдъ и Диръ дѣйствительно при Рюрикѣ правили въ Кіевѣ отдѣльно отъ Новгородскаго Князя, только не розно, а вмѣстѣ; но эта отдѣльность ихъ государства отъ Рюрикова, или Кіевскаго отъ Новгородскаго, не подтверждаетъ мнѣнія автора о множествѣ Русскихъ государствъ въ самомъ началѣ; она противорѣчила понятіямъ Норманновъ о правѣ господства въ Русской землѣ: за что Олегъ умертвилъ Аскольда и Дира? Онъ сказалъ имъ: вы не Князи, ни Бояре, т. е. не были ни членами господствующей фамиліи, коей исключительно принадлежала верховная власть, ни намѣстниками ея. Значитъ, присвоеніе Аскольдомъ и Диромъ власти надъ Кіевомъ не имѣло по тогдашнему понятію законнаго основанія, казалось мятежемъ, и Олегъ вступилъ въ Кіевъ безъ сопротивленія. Согласимся даже, что при Рюрикѣ основано 6, 10, 12 Норманскихъ государствъ:

но долго ли они существовали независимо? не всѣ ли они при первомъ преемникѣ Рюрика, при Олегѣ, слились въ одно цѣлое (исключая, можетъ быть, только Полоцка)? Такъ было дѣйствительно: была одна Русь, подвластная одному дому. Вся разность заключалась въ современномъ понятіи о порядкѣ престолонаслѣдія: до Іоанна III, или справедливѣе до Димитрія Донскаго, право на верховную власть принадлежало всѣмъ членамъ Княжескаго дома; послѣ Димитрія, въ особенности послѣ Іоанна, установилось право одного лица, переходившее отъ отца къ сыну Слѣдовательно, до половины XIV вѣка было Русское государство, раздѣленное по удѣльному праву между многими владѣтелями одного дома Владиміра Св. 2) Столь же неосновательно мнѣніе автора объ отдѣленіи сѣверной Руси отъ южной и образованіе оной въ видѣ республики, послѣ того, какъ Олегъ утвердился въ Кіевѣ. Вникните въ Исторію Новагорода: Великіе Князья Кіевскіе до половины XII вѣка отдаютъ его въ удѣлъ отчасти своимъ дѣтямъ, отчасти Князьямъ другихъ поколѣній, такъ точно, какъ они раздавали города въ другихъ областяхъ. Новгородъ, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, пользуясь междоусобіями дома Владиміра Св., старается ограничить своего Князя, успѣваетъ въ томъ, не прежде однакожь, какъ чрезъ 250 лѣтъ послѣ начала Руси, но никогда не можетъ обойтись безъ Князя изъ рода Владиміра Св. и въ особенности изъ такого поколѣнія, которое было первенствующимъ: выбираютъ только такихъ, которые обѣщаютъ не нарушать грамоть, дарованныхъ Ярославомъ. Вся разность Новагорода отъ Кіева, Суздаля, Галича, въ томъ, что Новгородскій Князь имѣлъ власть ограниченную, Кіевскій, Галицкій, Суздальскій правилъ самодержавно: значитъ ли это — отдѣленіе сѣверной Руси отъ южной?

Мы коснулись только главной идеи автора о Русской

Исторіи. Изслѣдуемъ, какъ онъ смотрѣлъ на ходъ событій, или на тѣ общія явленія, кои, составляясь изъ частныхъ, опредѣляютъ характеръ Исторіи. Вотъ его основныя мысли: «я не принялъ, говоритъ онъ, для періодовъ «Исторіи Русскаго народа, ни дѣленія Шлецерова, ни дѣ«ленія Карамзина, и въ слѣдствіе основной мысли (т. е. что «можетъ быть только Исторія народа, а не государства), «главы Исторіи дѣлилъ не княженіями, но событіями. «Полагая, что съ Ярославомъ кончилась Норманская фео«дальная система, намъ должно оканчивать первый пе«ріодъ смертью Ярослава. Отселѣ особый характеръ Рус«ской Исторіи, кончащійся нашествіемъ Монголовъ: пе«ріодъ второй; періодъ третій составляетъ порабощеніе «подъ иго Монголовъ и освобожденіе отъ онаго. Сей пе«ріодъ продолжается до Іоанна III. Съ нимъ начинается «періодъ четвертый: является одно Русское государство, «ибо княженіемъ Василія Темнаго оканчивается послѣд«няя борьба междоусобій удѣльныхъ. Сей періодъ за«ключается Петромъ Великимъ. Петръ началъ пятый, «Европейскій, періодъ Русской Исторіи.» Слѣдовательно, главныя явленія нашей Исторіи, по словамъ Полеваго, суть: до Ярослава—Норманская феодальная система; отъ Ярослава до Монголовъ—какой-то особый характеръ, не опредѣленный авторомъ; отъ перваго нашествія Монголовъ до Іоанна III — порабощеніе и сверженіе ига; отъ Іоанна до Петра Великаго—явленіе одного государства; отъ Петра до нашего времени—Европейскій періодъ.

Такое раздѣленіе основано на Шлецеровомъ, съ тѣмъ различіемъ, что Шлецеръ смотрѣлъ на Россію, какъ на общество, которое сперва возникаетъ, потомъ дѣлится, далѣе признаетъ власть чужаго народа, послѣ того одолѣваетъ своихъ враговъ, наконецъ процвѣтаетъ. Шлецеръ былъ вѣренъ по крайней мѣрѣ основной мысли и дѣленіе его логически правильно, согласуясь въ характери-

стикѣ каждаго періода до извѣстной степени съ ходомъ событій. Дѣленіе Полеваго не такъ отчетливо. Излишнимъ считаю говорить, что первое условіе логическаго дѣленія есть опредѣлительность извѣстнаго начала, которое мы примѣняемъ къ дѣлимому предмету, и смотря по разности, разсматриваемой съ одной точки зрѣнія, раздробляемъ его на части. Этого правила держался Шлецеръ; тому же правилу слѣдовалъ и Карамзинъ. Трудно опредѣлить, съ какой точки смотрѣлъ на Россію Полевой: судя по названію перваго періода, можно было бы предполагать, что онъ приметъ за начало своей классификаціи образъ правленія; но, давъ второму періоду какой-то особый, неизвѣстный характеръ, онъ не объяснилъ, съ какой точки смотрѣлъ на время отъ Ярослава; въ третьемъ, онъ видитъ порабощеніе и сверженіе ига: слѣдовательно, смотритъ на Монгольское время въ отношеніи не къ праву господства, а къ общему состоянію государства: ибо иго касалось не одного права, а всѣхъ условій гражданскихъ. Означивъ характеръ четвертаго періода словами — является одно государство, — онъ выводитъ опять новое начало, не основанное ни на правѣ, ни на понятіи о судьбѣ Русской земли: это одно государство было Московское; оно заключало въ себѣ только восточную половину Руси Ярославовой: какая же была участь западной, авторъ не говоритъ. Притомъ же одно государство было и въ пятомъ періодѣ, который бытописатель называетъ Европейскимъ, разсматривая судьбу Россіи опять съ иной стороны. Надѣюсь, что замѣчанія мои нельзя назвать привязками къ словамъ: едва ли есть Наука, которая требовала бы болѣе, чѣмъ Исторія, точности и логической правильности въ словахъ. Не то ли самое будетъ, если мы, разсуждая объ Исторіи какого нибудь города, скажемъ: въ судьбѣ его замѣчаемъ пять главныхъ періодовъ; въ первомъ періодѣ онъ былъ управляемъ многими градона-

чальниками; во второмъ имѣлъ особый характеръ; въ третьемъ былъ порабощенъ диким народомъ и освободился отъ ига; въ чствертомъ является одинъ, не сказавъ однако, что цѣлая половина его досталась въ чужія руки; въ пятомъ получаетъ Европейское устройство. Не выкупаетъ ли по крайней мѣрѣ историческая вѣрность недостатки логики? Разсмотримъ.

До Ярослава, по мнѣнію Полеваго, господствующимъ явленіемъ была Норманская феодальная система. Это значитъ, что феодализмъ былъ главною пружиною; слѣдовательно, мы остаемся въ надеждѣ увидѣть особеннаго рода лены, февды, вассаловъ, споры Князей съ боярами, и тому подобное. Только при такихъ условіяхъ, можемъ сказать, была феодальная система. Но ходъ первыхъ нашихъ событій не обнаруживаетъ и тѣни феодализма; въ Русскомъ языкѣ не сохранилось ни одного слова равносильнаго съ ленами и февдами. Правда, въ Лѣтописи сказано, что Рюрикъ и Олегъ роздали своимъ мужамъ извѣстные города, да и только: это ни что иное, какъ посадники; они не дѣйствуютъ; вездѣ является одно лице, Князь. Если даже допустить, что Норманны принесли феодальныя понятія, и въ такомъ случаѣ не феодализмъ, а совершенно другія явленія господствуютъ въ первомъ періодѣ, именно: быстрое расширеніе власти одного дома въ землѣ Славянской, сліяніе восточныхъ Славянъ въ одинъ народъ Русскій, получившій свою вѣру, свои уставы. Всѣ эти явленія образуютъ одно — *основаніе Руси*, т. е. такой державы, въ коей верховная власть принадлежала исключительно одному дому Рюрика, и притомъ всѣмъ членамъ его фамиліи въ мужскомъ колѣнѣ, державы, въ коей господствуетъ Греческій законъ, установляется языкъ письменный, народный, есть уставы. Самъ авторъ въ изложеніи перваго періода говоритъ то же самое и нѣсколько разъ повторяетъ, что уже при Свято-

славѣ не было признаковъ феодальной Варяжской аристократіи: слѣдовательно, эта мнимая феодальная система прекратилась задолго до Ярослава.

Особый характеръ, по его выраженію, втораго періода, какъ видно изъ самаго разсказа, состоитъ въ удѣльной системѣ. Черта правильная, но взглядъ на удѣльную систему едва ли сообразенъ съ ходомъ событій. Авторъ раздѣляетъ ее на двѣ половины 1157 годомъ, или перенесеніемъ Великаго Княжества изъ Кіева во Владиміръ на Клязмѣ. Въ самомъ дѣлѣ 1157 годъ, годъ смерти Юрія Долгорукаго, весьма достопамятенъ, только не потому, что перенесенъ Великокняжескій престолъ изъ Кіева во Владиміръ, а потому, что съ сего времени мысль о первенствѣ Великаго Князя исчезла и политика Русскихъ Князей сосредоточилась не въ одномъ Владимірѣ, а во многихъ пунктахъ, въ Галичѣ, во Владимірѣ Волынскомъ, въ Черниговѣ, въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, въ Полоцкѣ, въ Смоленскѣ и въ др. городахъ; Русь раздѣлилась на нѣсколько системъ, отдѣльныхъ міровъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свою сферу, свое средоточіе, принадлежалъ извѣстному роду, въ потомствѣ Владиміра Св. имѣлъ своихъ Князей Великихъ и Удѣльныхъ. Въ этихъ мірахъ повторялась прежняя Исторія Ярославичей и Мономаховичей; сверхъ того, они еще сталкивались другъ съ другомъ за право владѣнія Новгородомъ и Кіевомъ. Слѣдовательно, надлежало обозрѣвать каждую систему отдѣльно, какъ нѣчто цѣлое, а не сводить всѣ событія въ одну раму, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ Князь Владимірскій, ограничившій свою власть предъ нашествіемъ Монголовъ одною Суздальскою областію.

Принятый авторомъ планъ изложенія удѣльныхъ событій противорѣчитъ собственному его понятію (впрочемъ неправильному) объ Удѣльномъ періодѣ: онъ видитъ въ немъ рѣшительное расторженіе единства Руси. Если такъ,

опять спрашиваю, для чего же привязывать всѣхъ Князей къ одному Князю Владимірскому, бывшему слабѣе и Галицкаго и Черниговскаго, въ отношеніи къ вліянію на прочія Княжества? Кромѣ того, какъ я уже замѣтилъ, самое понятіе о расторженіи единства Руси, не основательно: это единство не исчезло, поддерживаясь только не господствомъ Князей Суздальскихъ, а другими крѣпчайшими узами. Не взирая на раздробленіе Русской земли по праву удѣльному, на безпрерывныя распри Князей, даже на родовую вражду поколѣній, присвоившихъ власть наслѣдственную, всѣ части Русской земли соединялись въ одно цѣлое, въ одинъ міръ самобытный; во всѣхъ обитателяхъ Руси выражался одинъ типъ: они говорили однимъ языкомъ, исповѣдывали одну Вѣру, имѣли одно устройство внутреннее, одинъ взглядъ на вещи, одни добродѣтели и пороки, находились подъ властію одного дома. Послѣднее обстоятельство требуетъ поясненія: я говорю, верховная власть надъ Русскою землею принадлежала одному дому Владиміра Св. Хотя родъ его раздѣлился на многія отрасли самостоятельныя, даже одна другой непріязненныя; но при всемъ раздробленіи, Князья, какъ потомки Владиміра, тщательно берегли право своего дома на обладаніе Русскою землею: если угасало одно поколѣніе, другое спѣшило занять его мѣсто. Народъ такъ былъ убѣжденъ въ законности, въ неизбѣжной необходимости Княжеской власти, и притомъ одного поколѣнія, что сами Новгородцы не могли жить безъ Князя. Тѣмъ менѣе удавалось иноплеменникамъ оторвать хотя часть земли изъ того пространства, которое очертилъ Норманскій мечъ во время Владиміра Св. и Ярослава Мудраго. Венгры и Поляки, пользуясь раздорами Князей, неоднократно присвоивали юго-западныя области Руси, но не надолго. Если одинъ Князь былъ не въ силахъ бороться съ иноплеменниками, другіе спѣшили ему на

помощь, нерѣдко забывая личную вражду, и прогоняли коварныхъ сосѣдей. Такъ они дѣйствовали въ отношеніи къ Половцамъ, къ Венграмъ и Полякамъ; отнимали Княжества другъ у друга, но инозѐмцевъ не пускали въ Русскую землю, держась правила: *не тронь нашего.* Кромѣ убѣжденія въ законномъ правѣ одного дома на верховное господство въ Русской землѣ, не исчезала мысль о необходимости единодержавія. Эта мысль обнаруживалась неоднократно, не только въ дѣйствіяхъ Владиміра Мономаха или сына его Мстислава I, но и въ политикѣ Андрея Боголюбскаго, Всеволода Великаго, Мстислава Удалаго. При такомъ положеніи дѣлъ, Русь постоянно представляла одно цѣлое, и доказывать расторженіе единства ея будетъ историческою ошибкою.

Столь же неправильно и односторонне воззрѣніе Полеваго на ходъ событій Монгольскаго періода. Не говорю уже о томъ, что авторъ ведетъ Исторію порабощенія Руси Монголами отъ перваго столкновенія съ ними нашихъ предковъ при Калкѣ (1224) между тѣмъ, какъ иго началось съ 1243, или почти чрезъ 20 лѣтъ послѣ принятаго имъ предѣла. Обращу вниманіе на главный недостатокъ: авторъ упустилъ изъ вида большую часть Русской земли и Русскаго народа, страну, гдѣ образовалось Литовское Княжество. Кто только внимательно слѣдилъ за ходомъ событій нашего отечества, видитъ, что Русь при самомъ рожденіи простиралась на западѣ до истоковъ Вислы и до Нарева, что Русская жизнь до Монголовъ сосредоточивалась преимущественно въ Кіевѣ, Черниговѣ, Полоцкѣ, Минскѣ, на Волыни, въ Галиціи. Тамъ возникла Русь, тамъ кипѣла Русская жизнь. То же было и при Монголахъ. Полевой, со времени покоренія отечества Монголами, вперяетъ взоръ преимущественно на Суздальскую страну, описываетъ съ величайшею подробностію всѣ бывшія тамъ перемѣны, слегка говоритъ о юго-западной

Руси и мало по малу упускаетъ ее изъ вида, какъ будто забывъ, что тамъ, за Днѣпромъ, образуется самостоятельное Русское государство, которое споритъ съ Москвою за право владычества въ Русской землѣ, грозитъ завоевать и Польшу и владѣнія Ливонскаго Ордена, не страшится борьбы съ Монголами, соединяется съ Польшею, далѣе опять отдѣляется, споритъ съ нею, и хотя въ половинѣ XVI вѣка окончательно сливается съ нею, но удерживаетъ надолго всѣ условія Русской народности.

Обо всемъ этомъ авторъ Исторіи Русскаго народа говоритъ мимоходомъ, какъ будто о событіяхъ чужой страны, единственно по связи ихъ съ удѣльными бранями Князей восточной Руси; даже видитъ въ обитателяхъ Литовскаго Княжества какихъ то враговъ Руси, хотя сами они были чисто Русскіе. Но Исторія Литовскаго Княжества, возникшаго въ Русскихъ земляхъ, сохранившаго главныя условія Русской народности, служившаго поводомъ всѣхъ почти распрей Московскихъ Государей съ Королями Польскими, наконецъ возвратившагося въ лоно древняго отечества и составляющаго нынѣ неразрывную часть Россійской Имперіи, Исторія этого Княжества заслуживала такого же права на вниманіе бытописателя, какъ и судьба Московскаго Государства, особенно если сообразить: 1) что Литовское Княжество до окончательнаго соединенія съ Польшею, въ половинѣ XVI вѣка, и до начала Уніи было въ полномъ смыслѣ Русское; 2) что долго не могли рѣшить спора, кому властвовать въ Русской землѣ, дому ли Іоанна Калиты, роду ли Гедимина; 3) что соединеніе Литовскаго Княжества съ Польшею было дѣломъ случая; 4) что въ обитателяхъ его, вопреки всѣмъ усиліямъ Польскаго правительства, никогда не исчезала мысль о родствѣ съ Россіею, или съ Государствомъ Московскимъ, живо обнаружившаяся при Іоаннѣ III, Іоаннѣ IV, Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ; 5)

что Государи Московскіе тѣмъ менѣе могли отказаться отъ своихъ правъ на западную Русь; 6) что наконецъ стремленіе, съ одной стороны, къ господству во всей Русской землѣ, стараніе, съ другой, не допустить ея до соединенія, было единственнымъ источникомъ всѣхъ войнъ Россіи съ Польшею.

Карамзинъ также упустилъ изъ вида Литовское Княжество. Оправданіемъ ему, впрочемъ слабымъ, служитъ то, что Исторіографъ основалъ Исторію Государства Россійскаго на біографіи Великихъ Князей и Царей, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ непрерывномъ порядкѣ. Держась этой нити, онъ велъ Царей Московскихъ за Великими Князьями Суздальскими, Князей Суздальскихъ за Кіевскими. Слѣдовательно Черниговскіе или Галицкіе Князья имѣли мѣсто въ его планѣ только по отношенію къ Государямъ Московскимъ, въ томъ же смыслѣ, какъ онъ разсматривалъ Королей Шведскихъ или Хановъ Крымскихъ, и видѣлъ въ такъ называемыхъ Литовцахъ не Русскихъ, а враговъ Москвы, столь же опасныхъ, какъ и Татары. Говорю, что такой планъ не соотвѣтствуетъ ходу событій: по крайней мѣрѣ Исторіографъ не измѣнилъ въ главномъ своей идеѣ. Но авторъ, имѣвшій цѣлію написать Исторію Русскаго народа, не вправѣ былъ оставлять безъ вниманія Литовское Княжество; не взирая на случайное соединеніе его съ Польшею, оно долго сохраняло всѣ элементы Русской народности, и только послѣ долговременныхъ усилій, Польское правительство успѣло измѣнить его физіономію, не изгладивъ ея однакожъ до послѣдней черты. Показать судьбу Русскаго народа за Днѣпромъ, всѣ бѣдствія, которыя испыталъ онъ подъ игомъ Поляковъ, всю политику Римскаго Двора и Варшавскихъ сеймовъ, есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ Исторіи. Рѣшеніе этой задачи чрезвычайно важно въ чистомъ историческомъ смыслѣ: ибо только въ такомъ случаѣ мы пой-

мемъ истинныя основанія внѣшней политики Государей Московскихъ въ дѣлахъ съ Польшею, которая отъ конца XIV до конца XVII вѣка играла главную роль въ нашей Исторіи.

Изъ вышесказаннаго очевидна несообразность опредѣленія характера и четвертаго періода: авторъ говоритъ, что въ этомъ періодѣ является одно государство. Не забудьте, что онъ пишетъ Исторію Русскаго народа и долженъ говорить о судьбѣ всей Руси; государство же, которое, по его словамъ, является въ четвертомъ періодѣ, есть Московское: но едва ли оно включало въ себѣ и половину Руси Ярославовой. Слѣдовательно, если даже допустить, что главнымъ явленіемъ судьбы восточной Руси съ половины XV до конца XVII вѣка было постепенное соединеніе всѣхъ областей ея въ одно цѣлое, и въ такомъ случаѣ указанный имъ характеръ будетъ неправиленъ: мы спрашиваемъ: какая же была судьба другой половины Руси, западной, не вошедшей въ составъ Московскаго Государства? Сверхъ того, опредѣляютъ ли слова его характеръ времени отъ Іоанна III до Петра Великаго? Я не думаю: ибо вижу въ теченіе этого времени, съ одной стороны, постоянную борьбу Государей Московскихъ съ Монголами за право самостоятельнаго господства въ восточной Европѣ; съ другой стороны, постоянную распрю ихъ съ Польшею за право на области западной Руси; въ то же время обнаруживается дѣятельность въ устройствѣ внутреннемъ; далѣе выходятъ на сцену, вслѣдъ за Уніею, Самозванцы; наконецъ возобновляется опять постоянная распря съ западными сосѣдями за Русскія земли, утраченныя и прежде и послѣ Самозванцевъ; кромѣ того обнаруживается ясная мысль, живѣе чѣмъ прежде, объ органическомъ устройствѣ государства въ духѣ старины. Между тѣмъ въ западной Руси дѣла идутъ своею чередою: она соединяется окончательно съ Польшею и терпитъ злосчастную долю: се терзаютъ Поляки, Іезуиты, Уніяты, Жиды, Татары.

Признавая общій планъ Исторіи Русскаго народа неудовлетворительнымъ, я считаю излишнимъ разсматривать въ подробности изложеніе самыхъ событій: мое дѣло показать только основныя начала системы. Впрочемъ нельзя не замѣтить къ чести автора, что онъ болѣе всѣхъ прежнихъ бытописателей старался развить многіе предметы, тѣсно связанные съ нашею Исторіею и обыкновенно выпускаемые изъ вида: такъ онъ весьма подробно разсказываетъ о Норманнахъ, о Монголахъ, намѣкаетъ на многое, что необходимо изслѣдовать и проч. Можетъ быть не всѣмъ понравятся размышленія его о ходѣ дѣлъ въ Европейской Исторіи, общіе философскіе взгляды на судьбу человѣка, на участіе Провидѣнія въ дѣлахъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни правильны могутъ быть подобныя воззрѣнія, но едва ли они умѣстны: конечно, ходомъ Всемірной Исторіи мы можемъ и должны объяснять ходъ своей Исторіи; но аналогія должна быть въ головѣ автора; притомъ же Исторіею Франціи можно объяснять и дополнять Исторію Германіи или Англіи, гдѣ видимъ тотъ же папизмъ, тотъ же феодализмъ, тоже рыцарство, тоже сліяніе Германскаго съ Римскимъ, разумѣется въ извѣстной степени. Въ нашей Исторіи конечно дѣйствуютъ тѣ же люди, но съ самаго начала Руси, дѣла нашего отечества приняли иной ходъ, совершенно отличный отъ Европейскаго. Далѣе, философскіе взгляды на судьбу человѣка и на Провидѣніе, въ коемъ авторъ между прочимъ видитъ главную причину нашествія Монголовъ на Россію, могутъ дополнить новыми истинами Философію, могутъ оживлять слогъ повѣствователя, но не ведутъ прямо къ цѣли: намъ нужна Русская Исторія, т. е. мы хотимъ знать, что было и какъ было въ нашемъ отечествѣ, до чего довели Русь Норманны, Византійцы, Монголы, Поляки, какъ изнемогала Русь, какъ спасала себя и какъ наконецъ явилась исполиномъ въ мірѣ.

Послѣ строгихъ сужденій о лучшихъ нашихъ бытописателяхъ, я въ оправданіе свое долженъ изложить планъ прагматической Русской Исторіи, который, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, по моему мнѣнію, заключалъ бы полное и сообразное съ сущностію предмета обозрѣніе минувшей судьбы нашего отечества. Основныя начала своего плана я вывожу изъ той мысли, что Исторія должна показывать постепенный переходъ государства изъ одного состоянія въ другое: беру въ расчетъ совокупность всѣхъ явленій и стараюсь составить понятіе о значеніи того или другаго вѣка; слѣдовательно, не ограничиваюсь ни правомъ, ни другими односторонними соображеніями, а вникаю въ общій духъ Исторіи. Для сего, восходя постепенно отъ нынѣшняго времени до перваго вѣка Русской жизни, до колыбели ея, разсматриваю, какія были главныя общія явленія, какъ одно явленіе уступало мѣсто другому, какъ переходила Русь постепенно изъ извѣстнаго положенія въ другое отличное, ставлю грани и въ каждомъ періодѣ располагаю всѣ событія по мѣрѣ относительной важности, припаровляя подробности къ общему ходу. Общій, отличительный ходъ событій нашего отечества, былъ слѣдующій:

Гражданское общество, служившее основою Русской Державы, возникло въ племени Славянъ подъ верховною властью одной господствующей фамиліи, главою коей былъ Норманскій витязь Рюрикъ. Оно получило названіе Руси, и средоточіемъ сначала имѣло Новгородъ. Въ первый вѣкъ бытія Русь раздвинула свои предѣлы отъ береговъ Ильменя за пороги Днѣпровскіе, до источниковъ Вислы, Западнаго Буга, до устья Оки и береговъ Волги; всѣ восточныя поколѣнія Славянскаго и частію Финскаго племени, обитавшія между сими рубежами, безъ всякаго почти понятія о жизни гражданской, въ патріархальной простотѣ нравовъ, признали неограниченное господство

Рюриковыхъ потомковъ и вошли въ составъ Руси, средоточіемъ коей сталъ уже Кіевъ. По введеніи Христіанской Вѣры Греческаго исповѣданія, народы, покоренные оружіемъ Норманновъ, слились въ одно государство, получившее окончательное устройство при Ярославѣ Мудромъ, который наложилъ печать закона на главныя условія жизни гражданской, опредѣливъ частію письменными уставами, частію своими дѣйствіями судъ и расправу, порядокъ престолонаслѣдія, зависимость Князей Удѣльныхъ отъ Великаго, права и обязанности духовенства, предѣлы своей Державы и отношенія ея къ сосѣдямъ.

Около половины XI вѣка кончилось основаніе Руси; съ тѣхъ поръ внѣшнее расширеніе ея прекращается; настаетъ внутреннее бореніе между потомками Владиміра Св. Это бореніе, неминуемое слѣдствіе современнаго понятія о правѣ на удѣлъ каждаго члена господствующей фамиліи, не только не уничтожило единства Руси, но еще болѣе скрѣпило узы общественныя, распространивъ всюду одинъ языкъ, одну вѣру, одни уставы гражданскіе, утвердивъ право одного рода Владиміра Св. на власть верховную. Мысль о необходимости единодержавія никогда не исчезала.

Прежде однакожъ, чѣмъ кончилась семейная борьба Рюриковыхъ потомковъ и таившаяся мысль о единодержавіи успѣла сосредоточить народныя силы, неотразимые завоеватели, пришедшіе изъ глубины Азіи, Монголы, покорили всю Русскую землю, обложили ее данью и присвоили себѣ право возводить Князей, не измѣнивъ впрочемъ внутренняго устройства, оставивъ неприкосновенными главные элементы государственные, вѣру, языкъ, гражданскіе уставы и право Рюрикова дома на исключительное господство. Тяжкое иго угнетало Русь около двухъ вѣковъ съ половиною. Въ первый вѣкъ рабства она была беззащитною жертвою ослѣпленія Князей, лю-

тости Монголовъ, хищности и фанатизма западныхъ сосѣдей; въ началѣ втораго вѣка совершился великій переворотъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на судьбу нашего отечества. Русскія княжества къ востоку отъ Днѣпра постепенно стали исчезать и входить въ составъ Государства Московскаго, признавая надъ собою власть одного дома, въ родѣ Іоанна Калиты, потомка Владиміра Св. изъ поколѣнія Князей Суздальскихъ. Русскія Княжества къ западу отъ Днѣпра, исключая Галиціи, слились также въ одно цѣлое и образовали вмѣстѣ съ Литовскимъ народомъ самостоятельное государство, подъ именемъ Великаго Княжества Литовскаго, главою коего былъ домъ Гедимина. Отселѣ Русская земля раздѣлилась на двѣ половины, на восточную или Московскую, и западную или Литовскую. Какъ въ той, такъ и въ другой возникаетъ новый порядокъ вещей, отличный отъ прежняго.

Русь восточная, съ начала XIV вѣка оживленная умомъ Князей Московскихъ, мало по малу сосредоточила раздробленныя силы, вступила въ борьбу съ Монголами, свергла съ себя ненавистное иго, избавилась отъ неустройствъ удѣльной системы и образовала Державу сильную, самостоятельную—Русское Царство. Главою ея былъ Государь самодержавный, съ наслѣдственною властью, переходившею по праву первородства отъ отца къ сыну, въ родѣ Іоанна Калиты, а съ 1613 года, послѣ жестокаго потрясенія Самозванцами, въ домѣ Романовыхъ. Постоянною цѣлью Русскихъ Царей, по сверженіи ига до конца XVII вѣка, было: въ дѣлахъ внутреннихъ органическое устройство государства въ духѣ древнихъ уставовъ и самодержавія, получившее окончательное образованіе при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и сынѣ его Ѳеодорѣ; въ дѣлахъ внѣшней политики на югѣ и востокѣ обузданіе Татарскихъ Ордъ покореніемъ ихъ Русскому скипетру; на западѣ—постепенное сближеніе съ Европою торговыми свя-

зями и возвращеніе земель за Днѣпромъ и при Балтійскомъ морѣ, искони составлявшихъ часть Русской земли. Въ слѣдствіе сего главнымъ явленіемъ Исторіи Русскаго Царства было постоянное развитіе мысли о необходимости возстановить Русскую землю въ тѣхъ предѣлахъ, кои имѣла она при Ярославѣ и около 3 вѣковъ послѣ него; изъ этого источника проистекали всѣ наши споры съ Польшею, Ливонскимъ Орденомъ и Швеціею, овладѣвшими лучшею частію нашего отечества во время бѣдственнаго рабства.

Русь западная осталась подъ властію Князей Литовскихъ изъ рода Гедимина (до 1572 г.); но такъ же, какъ и восточная, спасла свою вѣру, свой языкъ, свои уставы гражданскіе. Слѣдовательно, самыя крѣпкія узы связывали ее съ восточною Русью, и народъ, свято сохраняя законъ прародительскій, не однократно обнаруживалъ живѣйшее желаніе возвратиться въ подданство Царя православнаго, цѣлыми областями присоединяясь къ его Державѣ. Ни въ той, ни въ другой части Руси, мысль о соединеніи ихъ въ одно цѣлое никогда не исчезала: еще въ половинѣ XIV вѣка, когда блеснулъ первый лучъ надежды на освобожденіе отъ ига Монголовъ, владѣтели Москвы приняли титулъ Великихъ Князей всея Руси. Она живо пробудилась со временъ Іоанна III, коему добровольно поддались многія области, составлявшія часть Литовскаго Княжества. Случайное обстоятельство полагало преграду къ слiянію и прочихъ областей въ одно цѣлое: Польша, страшась могущества потомковъ Гедимина, примкнула къ ихъ Державѣ, избравъ на свой престолъ внука его Ягелла, и всѣми мѣрами старалась отклонить опасное для нея соединеніе западной Руси съ восточною. Но какъ съ одной стороны Русскіе Цари имѣли неотъемлемое право на западную Русь, гдѣ предки ихъ водворили жизнь гражданскую и святую вѣру, гдѣ въ полномъ блескѣ разви-

лась Русская жизнь, и при единодушномъ желаніи той и другой части быть подъ властію одного Государя, соединеніе рано или поздно было неизбѣжно; съ другой же стороны, судьба Польскаго Королевства была уже не разлучна съ судьбою Великаго Княжества Литовскаго: то, по естественному порядку вещей, самая Польша должна была неминуемо войти въ составъ одной Державы Русской. Эта истина была очевидна въ концѣ XVI и во все продолженіе XVII вѣка, когда, по пресѣченіи династіи Ягеллоновой, благомыслящіе Поляки, тѣмъ болѣе Литовскіе чины неоднократно поручали свою судьбу Русскимъ Царямъ: одни интриги Польскихъ магнатовъ и Іезуитовъ препятствовали соединенію двухъ народовъ одноплеменныхъ, единовѣрныхъ, разлученныхъ случайными обстоятельствами и поставленныхъ судьбою въ такое положеніе, что только подъ державною десницею одного Вѣнценосца они могли найти миръ и благоденствіе. Оставаясь подъ властію Польши до временъ Екатерины II, исключая областей, возвращенныхъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, западная Русь испытала всѣ бѣдствія анархіи, свирѣпствовавшей въ Польскомъ Королевствѣ, и величайшее зло народное—гоненіе за вѣру.

Въ началѣ XVIII вѣка, все, о чемъ заботились, къ чему стремились Русскіе Цари, было рѣшено Петромъ Великимъ. Совершивъ исполинскій, безпримѣрный въ Исторіи подвигъ, преобразовавъ и себя, и свой народъ, создавъ войско, флотъ, промышленность, торговлю, Науки, художества, новую лучшую жизнь, даровавъ отечеству то, что западная Европа получила послѣ вѣковыхъ усилій, ознаменованныхъ Крестовыми походами, городскими общинами, огнестрѣльнымъ оружіемъ, Реформаціею, однимъ словомъ, воплотивъ въ себѣ все, что приготовило первенство Европы надъ прочими частями свѣта, Петръ поставилъ свое государство на такую степень, что оно явилось внезапно

исполиномъ въ кругу своихъ сосѣдей, и уже при первыхъ преемникахъ Петра стало усвоивать плоды Европейской гражданственности. Отселѣ началась Исторія Россійской Имперіи, началась та сфера, въ коей мы живемъ. Древній Русскій міръ исчезъ съ большею частію его установъ, законовъ, формъ, нравовъ, обычаевъ. Только два главные элемента, религія и самодержавіе, слившіеся съ Русскою жизнію, остались неприкосновенными.

Екатерина II довершила мысль и древнихъ Царей и великіе планы Петра: соединила подъ свою державу почти всю Русскую землю, вмѣстѣ съ значительною частію Польскаго Королевства, которое съ отдѣленіемъ западной Руси, не могло существовать самобытно въ формахъ анархіи, даровала своему государству рѣшительный перевѣсъ надъ сосѣдними народами, Магометанскими, и диктаторскій голосъ въ дѣлахъ Европейскихъ, ознаменовавъ внутреннее управленіе многими учрежденіями для народной промышленности и образованности.

Усвоивъ всѣ плоды Европейской гражданственности, безъ вредныхъ однакожъ плевелъ, одушевляемая отличительнымъ свойствомъ народнаго характера, безпредѣльною преданностію Вѣрѣ и Престолу, Россія была непоколебима среди всеобщаго потрясенія западныхъ государствъ Французскою революціею, и подъ знаменемъ Александра I избавила Европу отъ величайшаго изъ завоевателей.

Наконецъ, съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая I начался современный намъ періодъ Русской Исторіи: живѣе, чѣмъ когда либо пробудилась мысль о необходимости органическаго устройства державы, основаннаго на истинныхъ началахъ народности и образованія.

Сообразно съ общимъ отличительнымъ ходомъ событій нашего отечества, я раздѣляю Русскую Исторію на двѣ

главныя части: на Древнюю и Новую; каждая изъ нихъ подраздѣляется на свои періоды.

I. Древняя Исторія, отъ начала Руси до Петра Великаго (862—1689), изображая постепенное развитіе трехъ главныхъ элементовъ, изъ коихъ возникла Русская жизнь, Славянскаго, Норманскаго и Византійскаго, подъ вліяніемъ въ одной части, съ половины XIII вѣка, Монголовъ, въ другой, съ конца XIV, Поляковъ, представляетъ слѣдующія явленія:

1) *Основаніе Руси*, соединеніе Славянъ въ общество гражданское господствомъ Норманновъ, Христіанскою Вѣрою и законодательствомъ Ярослава.

2) *Раздѣленіе Руси*, по праву удѣльному на нѣсколько союзныхъ Княжествъ въ Рюриковомъ потомствѣ; семейные споры Князей за власть верховную, 1054—1243.

3) *Покореніе Руси Монголами* и борьба ея съ иноплеменными народами на западѣ до раздѣленія Русской земли на восточную и западную, 1243—1328.

4) Постепенное соединеніе Удѣльныхъ Княжествъ восточной Руси въ *Государство Московское*; образованіе въ западной Руси *Великаго Княжества Литовскаго* и начало тѣснаго союза его съ Польшею, 1328—1462.

5) Борьба Государей Московскихъ съ Монголами за право независимаго господства въ восточной Европѣ, съ Польшею за Литовское Княжество. Самостоятельность восточной Руси подъ именемъ Русскаго Царства; соединеніе западной съ Польшею, 1462—1598.

6) Потрясеніе Русскаго Царства Самозванцами, Великаго Княжества Литовскаго Уніею.

7) Возобновленіе борьбы Русскихъ Царей съ Польшею за Литовское Княжество, при явномъ стремленіи восточной Руси къ благоустройству, при новыхъ усиліяхъ Польскаго правительства уничтожить народность въ западной Руси, 1613 — 1689.

II. *Новая Исторія* отъ Петра Великаго до смерти Александра I (1689 — 1825), имѣя отличительнымъ характеромъ измѣненіе древняго образа жизни, дѣятельное участіе Россіи въ дѣлахъ Европейскихъ и быстрое развитіе умственныхъ и промышленныхъ силъ, представляетъ слѣдующія главныя явленія:

1) *Преобразованіе Русскаго Царства въ Россійскую Имперію* Петромъ Великимъ, при сильномъ вліяніи Европейской жизни въ царствованіе первыхъ его преемниковъ. Изнеможеніе западной Руси подъ игомъ Поляковъ, 1689 — 1762.

2) Начало органическаго устройства Россійской Имперіи и соединеніе всѣхъ почти Русскихъ земель въ одно цѣлое Екатериною II, 1762 — 1796.

3) Рѣшительное участіе Россіи въ судьбѣ Европейскихъ Государствъ при новыхъ мѣрахъ къ внутреннему благоустройству, при очевидномъ смягченіи нравовъ и быстромъ развитіи умственныхъ и промышленныхъ силъ, 1796 — 1825.

Наконецъ отличительный характеръ современнаго намъ періода, есть органическое развитіе силъ Государства изъ собственныхъ началъ его и въ свойственныхъ ему формахъ образованія, 1825 — 1836.

Указавъ на общій ходъ событій и сообразно съ нимъ раздѣливъ отечественную Исторію на двѣ главныя части,

съ подраздѣленіемъ каждой изъ нихъ на періоды, я долженъ показать начала системы, коей, по моему мнѣнію, надобно слѣдовать при разсмотрѣніи подробностей каждаго періода. Но какъ эти начала выводятся не изъ умозрительныхъ ипотезъ, а изъ сущности самыхъ событій, подробное же изложеніе всѣхъ явленій было бы здѣсь неумѣстно, то я ограничусь указаніемъ общихъ правилъ и постараюсь примѣнить ихъ къ Древней Русской Исторіи, или къ пространству времени отъ начала Руси до Петра Великаго.

Выше замѣчено мною, что Исторія государства есть не собраніе біографій, а картина постепеннаго развитія жизни общественной, или правильнѣе, изображеніе переходовъ гражданскаго общества изъ одного состоянія въ другое. Это развитіе и эти переходы бываютъ слѣдствіемъ, преимущественно, впрочемъ не всегда, дѣйствія людей, коимъ судьба вѣряетъ кормило правленія. Главные дѣйствователи, съ яркими, выразительными чертами, должны стоять на первомъ планѣ картины минувшаго; окрестъ ихъ обрисовывается въ приличной перспективѣ все, что выражаетъ вѣкъ, что окружаетъ исполнителей велѣній судьбы и такъ сказать составляетъ ихъ сферу, отъ коей они не могутъ отдѣлиться, и сообразно съ коею дѣйствуютъ. Бытописатель обязанъ вникнуть во всѣ свойства главныхъ героевъ, узнать ихъ характеръ, страсти, душу, умъ, подробности семейной жизни, отношенія, связи; но на все сіе онъ смотритъ, какъ на пружину событій, какъ на источникъ явленій; онъ долженъ дать ясное отчетистое понятіе о своихъ герояхъ, но только потому, что видитъ въ нихъ орудіе, или виновниковъ перемѣнъ государственныхъ; предметомъ же его сочиненія, содержаніемъ его повѣсти, долженъ быть рядъ событій, или то, что дѣлалось въ государствѣ, что его усиливало, ослабляло, возвышало, унижало, и въ особенности то, что оставляло

по себѣ глубокіе слѣды. Для сего мы въ нѣкоторомъ смыслѣ олицетворяемъ государство и описываемъ не жизнь Государей, а его собственную жизнь — его умъ, представителемъ коего вездѣ правительство, его религіозныя и нравственныя понятія, его знанія, искусство, наконецъ самый образъ жизни, разсматривая каждый предметъ или какъ выраженіе государственной жизни въ извѣстный моментъ, или зародышъ, приготовленіе послѣдующихъ перемѣнъ, или какъ пружину событій. Не упускаемъ изъ виду вліянія и внѣшнихъ обстоятельствъ, дававшихъ направленіе судьбѣ государства. При изложеніи каждаго періода, или извѣстнаго пространства времени, ознаменованнаго своимъ отпечаткомъ, прежде всего я указываю смыслъ его, или въ общихъ чертахъ объясняю, какая настала перемѣна въ судьбѣ государства, отъ чего и почему; далѣе разсматриваю постепенно рядъ господствовавшихъ событій, обрисовывая ихъ отъ самаго начала до окончанія, и подводя подъ главныя общія явленія всѣ частности; наконецъ ловлю моменты предъ началомъ новой перемѣны или новой рѣшительной эпохи, и означаю, въ какомъ состояніи находилась Россія, какую имѣла она сферу предъ наступленіемъ новаго переворота дѣлъ, въ слѣдствіе предшествовавшихъ событій, относительно къ главнымъ условіямъ жизни общественной, къ образу правленія, къ вѣрѣ, промышленности, образованности, ко всѣмъ категоріямъ, въ коихъ выражается жизнь государства. Въ поясненіе моихъ мыслей, предлагаю общій взглядъ на Древнюю Исторію нашего отечества.

Прежде всего, я считаю нужнымъ поставить читателя въ такое положеніе, чтобы онъ могъ смотрѣть съ правильной точки на рядъ событій, который предъ нимъ постепенно открывается. Для сего разсуждаю о цѣли изученія отечественной Исторіи, вывожу изъ того предметъ ея и показываю, какое мѣсто занимаетъ она въ системѣ

наукъ общественнаго образованія. Далѣе показываю средства къ основательному изученію отечественной Исторіи, раздѣляя ихъ на два разряда, на источники и на критическія изслѣдованія, и объясняю, что представляетъ наша Историческая Литература въ томъ и другомъ отношеніи, т. е. какіе имѣемъ мы матеріялы, въ какомъ они состояніи, что изъ нихъ узнаемъ, какіе предметы изслѣдованы учеными критиками, что нужно еще изслѣдовать. Послѣ того указываю на отличительный характеръ нашей Исторіи, или на тѣ главныя явленія, которыя въ ней замѣчаемъ, и основываясь на этомъ характерѣ, раздѣляю всѣ событія на извѣстные разряды. Обо всемъ этомъ говорено мною выше. Правильное объясненіе цѣли, предмета, значенія отечественной Исторіи я считаю необходимымъ условіемъ прагматическаго сочиненія, въ какомъ бы видѣ ни было оно обработано, въ видѣ ли учебной книги, или въ формѣ художественной, потому что у насъ вообще понятія объ Исторіи еще слишкомъ не опредѣленны, что во многихъ лучшихъ книгахъ находимъ или общія похвалы родной старинѣ или высшіе взгляды на идею человѣчества, между тѣмъ, какъ о сущности самаго предмета встрѣчаемъ большею частію поверхностные намѣки. Изъ этого происходитъ обыкновенно странная несообразность: читатель въ предисловіи автора видитъ одно, а въ изложеніи встрѣчаетъ другое. Подробное же изслѣдованіе матеріяловъ, въ видѣ особенной статьи, я считаю тѣмъ болѣе важнымъ и полезнымъ, что во 1) одно указаніе, разумѣется систематическое, по возможности полное, принесетъ большую услугу; во 2) при ссылкахъ на тотъ или другой памятникъ, необходимо надобно опредѣлить его достовѣрность; иначе, какъ это часто случалось, одинъ и тотъ же источникъ мы будемъ принимать и за истинный и за ложный, въ подтвержденіе извѣстной ипотезы. Излишнимъ считаю приводить примѣры; но не

могу не указать на одинъ изъ самыхъ странныхъ случаевъ: нѣкоторые изъ нашихъ писателей отвергаютъ рѣшительно древность и достовѣрность нашихъ Лѣтописей; но тѣ же самые писатели ссылаются на тѣ же самыя Лѣтописи, какъ на истинные матеріялы, въ доказательство своихъ предположеній. Однимъ словомъ, авторъ обязанъ согласиться съ своими читателями въ томъ, чего онъ будетъ искать въ минувшемъ, съ какою цѣлію и изъ какихъ матеріяловъ станетъ заимствовать свои свѣдѣнія. Само собою разумѣется, что онъ обязанъ вѣрно слѣдовать своему плану. Для той же цѣли необходимъ, по моему мнѣнію, и обзоръ главныхъ явленій нашей Исторіи, обзоръ тщательный, отчетистый, основанный на сущности дѣла; онъ долженъ ввести читателя въ науку.

Размышленія о ходѣ Исторіи вообще, или о судьбѣ человѣчества и о другихъ подобныхъ предметахъ, не относящихся прямо къ Русской Исторіи, я считаю рѣшительно неумѣстными: во 1) потому, что подобныя размышленія могутъ быть весьма любопытною темою для другихъ сочиненій; во 2) Русская Исторія такъ огромна, такъ обильна, что и безъ философскихъ умозрѣній, разумѣется не относящихся прямо къ предмету, автору и читателю довольно будетъ дѣла; 3) главное же, до сихъ поръ мы заботимся только о томъ, чтобы узнать, что такое Русь, какъ она возникла, что было съ нею, отъ чего и почему. Для высшихъ философскихъ взглядовъ настанетъ свое время, въ послѣдствіи, когда узнаемъ свою Исторію.

Послѣ общихъ идей объ отечественной Исторіи, изложенныхъ въ видѣ вступленія, я разсматриваю самый ходъ событій. Здѣсь первый главный вопросъ, какъ возникла Русь, или какъ начался и въ какомъ видѣ тотъ порядокъ вещей, который служилъ зародышемъ, ядромъ и Русскаго народа и Русской жизни. Дѣло идетъ объ основаніи

Руси. Все удостовѣряетъ, что она возникла въ племени Славянъ, подъ вліяніемъ Норманновъ, что господство Норманновъ въ землѣ Славянской завязало первый узелъ общественный, что Христіанская Вѣра скрѣпила его, а правленіе Ярослава Мудраго, наложивъ печать закона на главныя условія юнаго общества, опредѣлило и утвердило, такъ сказать, характеръ Руси. При Ярославѣ она окончательно основалась. Изъ сего видно, на какіе предметы надобно обратить вниманіе, чтобы понять основаніе Руси. Изслѣдованіе о народахъ, издревле обитавшихъ въ нынѣшней Россіи, до появленія Славянъ, я считаю неумѣстнымъ, во 1) потому, что о такъ называемыхъ Скиѳахъ, Сарматахъ мы не можемъ ничего сказать опредѣлительнаго, во 2) потому, что не знаемъ, имѣли ли они какое нибудь вліяніе на составъ и развитіе народа Славянскаго. Иначе, если говорить о Скиѳахъ, то, по примѣру нашихъ Лѣтописцевъ, намъ надобно начать свою Исторію еще справедливѣе отъ Ноя. Существенные предметы, заслуживающіе самаго подробнаго развитія, для уразумѣній начала Руси и Русскаго народа, суть: 1) Славяне; 2) Норманны; 3) господство Норманновъ въ землѣ Славянской; 4) утвержденіе въ Руси Христіанской Вѣры и 5) правленіе Ярослава Мудраго.

Разсуждая о Славянахъ и Норманнахъ, какъ о двухъ народахъ, положившихъ основаніе Руси, я разсматриваю состояніе ихъ отъ перваго появленія ихъ въ Исторіи до половины IX столѣтія, и стараюсь дать объ нихъ идею сколь возможно полную. Для сего показываю, какъ появились они въ историческомъ мірѣ, къ какому племени народовъ могли принадлежать, какъ раздѣлялись, какъ дѣйствовали они въ другихъ странахъ, какой имѣли образъ правленія, какую вѣру, какія понятія и проч. Многія изъ этихъ изслѣдованій должны основываться на однѣхъ догадкахъ, предположеніяхъ, аналогіи; но вооб-

ще, мнѣ кажется, необходимо устранять тѣ ипотезы, которыя ни къ чему не ведутъ. Напримѣръ, подробно говорить объ Индѣйскомъ происхожденіи Славянъ, какъ нѣкоторые того требуютъ, едва ли умѣстно: эта догадка можетъ только подтвердить древность Славянскаго племени; но для сей цѣли достаточно вникнуть въ языкъ, т. е. въ организмъ его, даже безъ сравненія съ другими языками; что будетъ, мнѣ кажется, и полезнѣе и вѣрнѣе.

Съ пришествіемъ Рюрика на берега Ильменя начинается господство Норманновъ въ землѣ Славянской и быстрое расширеніе ихъ владычества, или предѣловъ Руси. Главные пункты, которые необходимо, по моему мнѣнію, развить подробно, суть: какимъ образомъ пришли Норманны въ землю Славянскую, почему Лѣтописи называютъ ихъ Варягами, какъ покоряли они одно Славянское поколѣніе за другимъ, какую систему господства установили, и въ какомъ положеніи находилась Русь предъ введеніемъ Христіанства, касательно предѣловъ ея, отношеній побѣдителей къ побѣжденнымъ, образа правленія и степени гражданской жизни.

Введеніе Христіанства требуетъ тщательнаго изслѣдованія, въ отношеніи: 1) къ причинамъ быстраго и съ тѣмъ вмѣстѣ мирнаго распространенія Христіанской вѣры, о чемъ мы можемъ судить съ достовѣрностью; 2) къ слѣдствіямъ крещенія Руси по Греческому закону. Здѣсь въ особенности должно обратить вниманіе на Славянскій переводъ Библіи, въ коемъ, мнѣ кажется, должно искать начало религіознаго направленія, отличавшаго постоянно нашихъ предковъ. Посредствомъ этого перевода Св. Вѣра Греческаго закона слилась съ Русскою жизнію и составила главный существенный элементъ ея.

Наконецъ въ Ярославѣ I я вижу Государя истинно великаго, который довершилъ безотчетное дѣло своихъ

предковъ. Обнаруживая во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ духъ законодательства, устройства, онъ не столько изданіемъ письменнаго закона, сколько образомъ своихъ дѣяній установилъ въ Руси тотъ порядокъ вещей, изъ коего въ послѣдствіи развивались главныя явленія нашей Исторіи; онъ опредѣлилъ: 1) отношенія Новагорода къ Великому Князю; 2) судъ и расправу; 3) образъ распространенія Христіанской Вѣры; 4) Іерархію; 5) отношенія Руси къ Византійской Имперіи; 6) отношенія Руси къ Скандинавіи; 7) предѣлы Русской земли; 8) главныя основанія Удѣльнаго Права. Каждая изъ этихъ статей требуетъ подробнаго развитія.

По смерти Ярослава настаетъ удѣльный періодъ, время самое запутанное въ нашей Исторіи, служившее камнемъ преткновенія для всѣхъ бытописателей. Я разсматриваю это время слѣдующимъ образомъ:

Въ статьѣ 1 опредѣляю смыслъ удѣльнаго періода въ нашей Исторіи; вижу въ немъ совсѣмъ не то направленіе дѣлъ, которое обнаруживалось до Ярослава: именно до Ярослава было быстрое расширеніе Норманской стихіи, сліяніе племенъ въ одинъ Русскій народъ; основаніе Руси, какъ общества гражданскаго, содѣйствіемъ Вѣры и законовъ. По смерти Ярослава внѣшнее расширеніе прекращается; его замѣняетъ продолжительное броженіе внутреннее. Тутъ показываю, какой имѣло оно характеръ; какъ смотрѣли на него наши Лѣтописцы; какъ понимали позднѣйшіе писатели, и нахожу, что вопреки мнѣнію многихъ критиковъ, оно было неминуемое, неизбѣжное зло, что внутреннее броженіе есть необходимое условіе каждаго возникающаго государства, доколѣ не установится броженіе разнородныхъ элементовъ его. Такъ было въ Греціи, въ Римѣ, во всей Европѣ.

Въ статьѣ 2 объясняется, почему именно внутреннее броженіе обнаружилось у насъ бранями удѣльны-

ми. Причину тому нахожу въ понятіяхъ, принесенныхъ въ землю Славянскую Норманнами, объ исключительномъ господствѣ одной фамиліи и объ участіи всѣхъ членовъ ея въ правѣ на власть верховную.

Въ статьѣ 3 объясняется различіе удѣльной системы отъ феодальной, съ косою многіе изъ нашихъ писателей смѣшиваютъ ее, въ основаніяхъ и въ послѣдствіяхъ. Главныя черты удѣльной системы яснѣе всего обнаруживаются изъ сравненія ея съ феодальною.

Въ статьѣ 4 опредѣляются границы удѣльнаго періода, или того времени, когда господствующею пружиною была удѣльная система. Я нахожу, что такое названіе приличпо именно только тому времени, которое протекло отъ Ярослава I до покоренія Руси Монголами; что до Ярослава и послѣ Монголовъ замѣняли ее иныя пружины.

Въ статьѣ 5 объясняю, что отличительною чертою удѣльнаго періода въ собственномъ смыслѣ было неоднократное образованіе и уничтоженіе семейнаго господства въ одномъ родѣ; сначала оно возникло въ домѣ Ярослава и рушилось при внукахъ его; потомъ возобновилось въ одной изъ отраслей Ярославовыхъ, въ домѣ Владиміра Мономаха, и рушилось при дѣтяхъ его; наконецъ возникло во многихъ поколѣніяхъ и исчезло подъ ударами Монголовъ. Образованіе и уничтоженіе семейнаго господства было постоянно сопровождаемо спорами старшихъ поколѣній съ младшими; цѣль сихъ споровъ измѣнялась по мѣрѣ развитія удѣльныхъ понятій: при дѣтяхъ и внукахъ Ярослава былъ споръ за удѣлы; при дѣтяхъ и внукахъ Мономаха за Кіевскій престолъ или за первенство; наконецъ послѣ Юрія Долгорукаго обнаружилась распря между многими княжествами, какъ независимыми государствами, въ коихъ повторялась Исторія Ярославичей и Мономаховичей. Въ слѣдствіе сего, удѣльный періодъ представляетъ четыре главныя явленія: 1) уничтоженіе

союзной системы, установленной Ярославомъ; 2) возобновленіе Ярославовой системы Мономахомъ; 3) уничтоженіе Мономаховой системы; 4) раздѣленіе Руси на нѣсколько союзныхъ системъ.

Чтобы дать ясное понятіе о первомъ явленіи, которое повторялось неоднократно въ удѣльномъ періодѣ, я показываю: 1) *основанія Ярославовой системы,* и нахожу, что она имѣла три главныя начала: *a*) право на удѣлъ только старшихъ представителей княжескаго дома и безудѣльность младшихъ; *b*) право Удѣльныхъ Князей на пожизненную собственность; *c*) право Великаго Князя или старшаго въ родѣ быть главою Руси. 2) Непрочность Ярославовой системы и неизбѣжность распрей, источниками коихъ были: *a*) неопредѣлительность отношеній Великаго Князя къ Удѣльнымъ; *b*) устраненіе младшихъ поколѣній отъ удѣловъ; *c*) слабость первыхъ преемниковъ Ярославовыхъ. Послѣ сего излагаю самыя событія отъ смерти Ярослава до восшествія на престолъ Кіевскій Мономаха; они суть: 1) вражда старшихъ поколѣній съ младшими, или Ярославичей съ Ростиславомъ Новгородскимъ и Всеславомъ Полоцкимъ; 2) междоусобіе старшихъ поколѣній, или Изяслава Кіевскаго съ Святославомъ Черниговскимъ и Всеволодомъ Переяславскимъ; 3) возобновленіе вражды старшихъ поколѣній съ младшими при Изяславѣ и Всеволодѣ; 4) междоусобіе внуковъ Ярославовыхъ за новый дѣлежъ Русской земли, прекращенный съѣздомъ въ Любечѣ; 5) возобновленіе междоусобій внуковъ Ярославовыхъ послѣ Любечскаго договора, прекращенное внѣшними опасностями со стороны Половцевъ.

Съ восшествіемъ Мономаха на Великокняжескій престолъ настаетъ вторый періодъ удѣльной системы, возобновленіе времени Ярослава, которое продолжается и при сынѣ его Мстиславѣ I. Здѣсь слѣдуетъ объяснить подробно: 1) какимъ образомъ Мономахъ присвоилъ пре-

столъ мимо старшаго поколѣнія; 2) какая была политика его; 3) какъ утверждалъ онъ свое вліяніе на удѣлы; 4) какъ довершилъ планъ его Мстиславъ Великій, и 5) какъ установилось господство дома Мономахова во всей Русской землѣ.

Смертью Мстислава, Мономахова система начинаетъ разрушаться; паденіе ея есть предметъ 3 періода удѣльной системы; она рушилась отъ двухъ главныхъ причинъ: 1) отъ междоусобій дѣтей и внуковъ Мономаха, или отъ повторенія прежней вражды дядей съ племянниками; 2) отъ стремленія къ первенству Князей Черниговскихъ, увлекшихъ за собою и другія поколѣнія. Сперва обнаружились междоусобія въ самомъ родѣ Мономаховомъ, по случаю спора Юрія Долгорукаго съ племянникомъ Всеволодомъ Мстиславичемъ; этими междоусобіями воспользовались Ольговичи, чтобы утвердить свою власть въ Новѣгородѣ и въ самомъ Кіевѣ. Неминуемымъ слѣдствіемъ была вражда дома Мономахова съ Олеговымъ. Все это ослабляло союзъ Удѣльныхъ Князей съ Великимъ Княземъ; наконецъ онъ рушился окончательно послѣ присвоенія Кіевскаго престола Изяславомъ Мстиславичемъ, хотѣвшимъ быть главою Руси, не только мимо старшаго рода Ольговичей, но и мимо своихъ дядей. Съ восшествіемъ его на Кіевскій престолъ настало всеобщее волненіе Руси: Изяславъ долженъ былъ воевать съ Ольговичами, хотѣвшими возвратить утраченное первенство и отмстить за одного изъ своихъ родственниковъ, съ Юріемъ Долгорукимъ и другими дядями, считавшими за стыдъ повиноваться племяннику; съ Владиміркомъ Галицкимъ, союзникомъ Ольговичей, и со всѣми другими Князьями. Изяславъ устоялъ на своемъ, одолѣлъ враговъ геройскимъ мужествомъ, искусною политикою и умеръ Великимъ Княземъ, но подъ громомъ удѣльныхъ браней, низринув-

шихъ престолъ Великаго Князя и разорвавшихъ Русь на части.

Смертью преемника его Юрія Долгорукаго, рушилась установленная Мономахомъ система соединенія Русскихъ Княжествъ въ одно цѣлое властію Великаго Князя Кіевскаго. Понятіе о правѣ поколѣній на власть наслѣдственную, на самостоятельность неограниченную, достигло полнаго развитія, уничтожило понятіе о первенствѣ Кіевскаго владѣтеля, разорвало союзъ частей и раздробило Русь въ родѣ Владиміра Св. на множество Княжествъ независимыхъ, изъ коихъ каждое представляло міръ отдѣльный, принадлежало исключительно одной фамиліи и дробилось въ отраслях ея на новыя Княжества. Здѣсь вездѣ повторялась Исторія прежней Руси, только въ меньшемъ объемѣ, ограничивалась отраслями одного рода: тѣ же междоусобія дядей съ племянниками, то же стремленіе къ первенству одѣхъ фамилій, то же противодѣйствіе другихъ. При внутреннемъ волненіи, Княжества еще сталкивались другъ съ другомъ за право владѣнія Кіевомъ и Новгородомъ, которые переходя изъ рода въ родъ, напоминали о первенствѣ ихъ владѣтеля. При такомъ взглядѣ на послѣдній или четвертый періодъ удѣльной системы, очевидно, что единственное средство дать объ немъ ясное понятіе, есть изображеніе событій каждаго изъ господствовавшихъ поколѣній отдѣльно; надобно въ историческомъ разсказѣ вести ихъ одно за другимъ и не разрывать Исторіи, напримѣръ, Суздальскихъ поколѣній, вставками изъ современной Исторіи Волынскихъ, Черниговскихъ, Галицкихъ и проч., именно потому, что, какъ выше замѣтилъ я, нѣтъ ни какого повода связывать съ дѣйствіями Князей Суздальскихъ дѣйствія Галицкихъ и проч. Отъ этого недосмотра происходила преимущественно запутанность удѣльнаго періода въ сочиненіяхъ всѣхъ нашихъ историковъ отъ Татищева до Карамзина и Поле-

ваго. Четыре главныя отрасли, изъ коихъ одна скоро пресѣклась, раздѣлившіяся въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка на многія вѣтви, господствовали въ Русской землѣ отъ смерти Юрія Долгорукаго до нашествія Монголовъ: I въ родѣ Всеслава Полоцкаго; II Володаря Перемышльскаго; III Святослава Черниговскаго и IV Владиміра Мономаха. Въ поколѣніяхъ этихъ домовъ образовались самостоятельныя системы, какъ отдѣльные міры, имѣвшіе свои средоточія, своихъ Великихъ Князей, Полоцкая, Галицкая, Черниговская, Сѣверская, Рязанская, Муромская, Волынская, Смоленская, Суздальская, сверхъ того Новгородская.

Не взирая однакожъ на раздробленіе Руси, единство ея, какъ выше мною замѣчено, не исчезло; ее связывали въ одно цѣлое крѣпкія узы: языкъ, Вѣра, господство одного дома Владиміра Св., убѣжденіе въ необходимости единодержавія, внутреннее устройство. Разсмотрѣніе сихъ условій Русской народности и слѣдствій удѣльной системы на развитіе умственныхъ и промышленныхъ силъ, составляетъ предметъ особенной главы, коею оканчивается періодъ удѣловъ; приходятъ неожиданно Монголы, и дѣла принимаютъ иной оборотъ.

Періодъ Монгольскій, или пространство времени отъ покоренія Руси Монголами до Іоанна III, представляетъ двѣ противоположныя картины: въ первой видимъ разъединеніе Русскихъ силъ и безпримѣрное въ Исторіи злосчастіе нашего отечества, терзаемаго внутри собственными Князьями, извнѣ Монголами, Шведами, Ливонцами, Поляками. Тяжкіе, безпрерывные удары довели Русь до крайняго изнеможенія, до послѣдняго предѣла бѣдствія народнаго, за коимъ ожидала ее или смерть или новая жизнь. Въ половинѣ XIV вѣка совершился переломъ, и взорамъ нашимъ открывается иная картина. Большая, лучшая часть древней Руси Ярославовой, исключая обла-

сти Псковской, Новгородской, земли Суздальской и Рязанской, была исторгнута изъ власти Монголовъ Князьями не Рюрикова племени и подпала господству потомковъ Литовскаго Государя Гедимина; сохранила вѣру, языкъ, нравы, обыкновенія, отчасти гражданское устройство; но утративъ господство природныхъ Князей, по вступленіи внука Гедиминова Ягелла на Польскій престолъ, должна была раздѣлять судьбу Польши, участвовать во всѣхъ войнахъ ея, въ самыхъ неустройствахъ внутреннихъ и терпѣть гоненіе за Вѣру. Еще горшая участь грозила остальной Руси восточной, подвластной Монголамъ: народъ привыкалъ къ рабству, безмолвно коснѣлъ въ невѣжествѣ и въ суевѣрномъ страхѣ смотрѣлъ на свою неволю какъ на удѣлъ, назначенный Провидѣніемъ. Князья гордились милостію Хана, клапялись въ Ордѣ и только заботились, чтобы онъ не отдалъ ихъ престоловъ совмѣстникамъ или своимъ баскакамъ. Распри ихъ казались непримиримы. Болѣе чѣмъ когда либо они разрозпили Русскую силу, и не помышляя о сверженіи ига, тѣмъ менѣе готовились къ отпору Литовскихъ завоевателей, которые, въ упоеніи своихъ успѣховъ, уже переносили побѣдоносное оружіе за самый Днѣпръ, чтобы исхитить изъ рукъ Монголовъ и присвоить себѣ развалины нашего отечества. Послѣдняя искра Русской жизни должна была угаснуть въ неминуемой кровавой борьбѣ нашихъ повелителей. Но прежде, чѣмъ началась эта борьба, Св. Вѣра успѣла одушевить восточную Русь религіознымъ энтузіазмомъ, приготовить ее къ перенесенію всѣхъ бѣдствій, возбудить непримиримую ненависть къ чужеземному владычеству, сберечь неприкосновеннымъ народное достояніе, языкъ, нравы, законы, и подъ сѣнію Москвы Русь воскресла къ новой жизни. Съ половины XIV вѣка возникаетъ въ восточной Руси могущественное государство Московское, между тѣмъ, какъ на западѣ образуется не

менѣе сильное, столь же обширное, Великое Княжество Литовское.

Этотъ ходъ событій опредѣляетъ, какіе предметы должны быть разсматриваемы въ Монгольскомъ періодѣ. Прежде всего необходимо дать ясную идею о Монголахъ и о покореніи ими Русской земли. Тутъ разсматриваются слѣдующія статьи: 1) состояніе Монголовъ до Чингисхана, съ объясненіемъ племенъ, населявшихъ среднюю Азію въ концѣ XII столѣтія. 2) Завоеванія Чингисхана въ Азіи; 3) первое случайное столкновеніе Монголовъ съ Русскими на берегахъ Калки; 4) завоеванія преемниковъ Чингисовыхъ; 5) нашествіе Монголовъ на Русь сѣверо-восточную; 6) нашествіе Монголовъ на Русь югозападную; 7) начало и устройство Золотой Орды и утвержденіе власти ея надъ Русью; 8) главныя черты Монгольскаго владычества въ первый вѣкъ рабства. Подробное развитіе означенныхъ мною статей должно показать въ особенности, въ чемъ состояло наше иго, о коемъ въ лучшихъ сочиненіяхъ нашихъ встрѣчаемъ по большей части только поверхностные памѣтки, между тѣмъ, какъ изслѣдованіе характера Монгольскаго ига должно пояснить не только всѣ событія цѣлыхъ двухъ вѣковъ, но и внутреннее устройство послѣ Монголовъ.

Разсуждая о событіяхъ перваго вѣка Монгольскаго, мы должны разсматривать отдѣльно судьбу восточной Руси отъ судьбы западной. Въ восточной Руси яснѣе другихъ выказываются слѣдующія явленія: 1) благоразумная политика Ярослава Всеволодовича и Александра Невскаго въ отношеніи къ Монголамъ, спасшая Русь отъ конечной погибели; 2) безразсудныя распри сыновей Александра Невскаго; 3) вражда внуковъ Александра Невскаго съ родомъ Ярослава Тверскаго. Эти междоусобія, унизивъ достоинство Великаго Князя, давали Монголамъ поводъ неоднократно напоминать Руси времена Ба-

тыевы. Въ то же время тѣснятъ ее западные сосѣди, подстрекаемые Папою, Шведы и Ливонскіе Рыцари. Тогда же выходятъ на сцену и Литовцы. Какъ набѣги западныхъ сосѣдей не имѣютъ почти ни какой связи съ внутренними междоусобіями и возобновлялись безпрестанно при каждомъ Великомъ Князѣ, не касаясь даже его отчины, то я полагаю вести ихъ отдѣльною статьею. Здѣсь всего приличнѣе говорить объ основаніи Ливонскаго Ордена и о народахъ Литовскихъ.

Разсматривая судьбу западной Руси въ первый вѣкъ Монгольскаго періода, надобно обратить особенное вниманіе на сосредоточеніе Русскихъ Княжествъ за Днѣпромъ въ одно могущественное государство Галицкое, главою коего былъ домъ Романа Волынскаго, на отношенія его къ Монголамъ, Литвѣ, Полякамъ и Венграмъ. Наконецъ общій взглядъ на состояніе Руси предъ началомъ государствъ Московскаго и Литовскаго долженъ дополнить картину перваго вѣка Монгольскаго періода и раскрыть сцену, гдѣ будутъ дѣйствовать Іоаннъ Калита и Гедиминъ. Въ этомъ обозрѣніи должно показать, что первенствующими Княжествами въ восточной Руси въ началѣ XIV вѣка были Московское, Суздальское, Тверское, что къ системѣ ихъ относились Рязанское, Сѣверское, Смоленское, Черниговское, Новгородское и Псковское, что въ юго-западной Руси образовалось отдѣльное Галицкое, что въ Кривской области утвердились Князья уже не Рюрикова дома, что въ началѣ XIV вѣка отношенія Князей были самыя запутанныя, что рабство угнетало Русь всею тяжестью и что Золотая Орда была неодолима по прежнему.

Во второмъ періодѣ Монгольскаго владычества, какъ мы выше замѣтили, образовались въ Русской землѣ, вмѣсто многихъ Удѣльныхъ Княжествъ, два государства:

Московское и Литовское. Каждое изъ нихъ возникло отдѣльно. Разсматривать ихъ слѣдуетъ также отдѣльно, но въ равной степени: ибо долго нельзя было рѣшить вопроса, кому властвовать въ Русской землѣ, дому ли Іоанна Калиты, роду ли Гедимина. Прочное начало соединенію Княжествъ восточной Руси въ одно цѣлое, въ одно государство Московское, положилъ Іоаннъ Калита. Могущество же государства Московскаго утвердилъ Димитрій Донской. Постояннымъ правиломъ Калиты и сыновей его было: 1) дать власти Великаго Князя ту силу, которую имѣла она при Ярославѣ Мудромъ и Владимірѣ Мономахѣ; 2) утвердить право Великаго Князя исключительно за своимъ родомъ; 3) увеличить наслѣдственную отчину, Московское Княжество, пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и городовъ, болѣе прикупкою, чѣмъ силою. Димитрій довершилъ великую мысль Калиты; возвысивъ свой домъ выше всѣхъ домовъ Удѣльныхъ, на чреду царскую, главою Руси Монгольской, онъ оставилъ своимъ преемникамъ довершить то, что самъ началъ: сосредоточить Русскія силы въ одну державу Московскую, спасти ее отъ Литвы, вырвать изъ рукъ Монголовъ и утвердить новое право престолонаслѣдія, которое одно могло подавить удѣльную систему, по нисходящей линіи. Два поколѣнія созрѣвала мысль Калиты; еще болѣе требовалось времени, ума, благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы исполнить планы Донскаго. Хотя они были неминуемымъ слѣдствіемъ того, что уже совершилось и развивались, такъ сказать, сами собою, вопреки всѣмъ препятствіямъ, тѣмъ не менѣе они могли исчезнуть такъ точно, какъ исчезла система Мономахова, если бы благоразумный преемникъ Димитрія продолжительнымъ давленіемъ не далъ времени окрѣпнуть дѣлу отцовскому. Внукъ Донскаго, не взирая на всю слабость, могъ перетянуть достоинство Великаго Князя, мимо двоюродныхъ

братьевъ, сыну своему Іоанну, который началъ новую эпоху въ Исторіи Русскаго народа.

Образованіе Литовскаго Княжества, возникшаго во второй вѣкъ нашего рабства, вмѣстѣ съ Государствомъ Московскимъ, многимъ Историкамъ кажется непонятною загадкою: обыкновенно спрашиваютъ, какимъ образомъ народъ слабый, малочисленный, упорный въ идолопоклонствѣ, платившій нѣкогда Русскимъ Князьямъ дань скудную лыками, вѣниками, тѣснимый со всѣхъ сторонъ сильными сосѣдями, Орденомъ Тевтонскимъ, Рыцарями Ливонскими, Русскими Князьями, Польскими Государями, однимъ словомъ, народъ Литовскій, могъ въ короткое время, безъ явныхъ побудительныхъ причинъ, присвоить силу исполинскую, завоевать все пространство отъ Западной Двины до Дуная, отъ Угры до Сана, соединить покоренные народы въ государство благоустроенное и своимъ оружіемъ привести въ трепетъ самыхъ Монголовъ? Предложивъ такой вопросъ, бытописатели оставляютъ его безъ отвѣта. Но стоитъ только вникнуть въ отношенія Литвы къ Руси, чтобы понять, что такое было Княжество Литовское и какъ оно достигло въ концѣ XIV вѣка до степени первенствующаго государства въ восточной Европѣ. Главное недоразумѣніе проистекаетъ отъ того, что Польскіе писатели успѣли увѣрить насъ, будто бы народъ Литовскій завоевалъ половину Русской земли оружіемъ, а Польша въ свою очередь присоединила къ себѣ Литовское Княжество по какому то непонятному праву. Мы, не вникнувъ въ сущность дѣла, повѣрили Полякамъ, и отъ Татищева до Карамзина говорили тоже самое. Разсматривая два эти важные вопроса, я нахожу: Литва въ собственномъ смыслѣ, ограничиваясь нынѣшнею Виленскою Губерніею, и прежде и послѣ Гедимина всегда была народомъ малочисленнымъ, подвластнымъ чуждому вліянію во всѣхъ условіяхъ жизни общественной: она могла гра-

бить сосѣдственныя Княжества Русскія и Польскія, только отъ раздоровъ и слабости ихъ владѣтелей, такъ точно, какъ грабили насъ Печенѣги, Половцы, Болгары: первый храбрый Князь безъ труда ее обуздывалъ. Вспомнимъ побѣды Романа Волынскаго, Даніила Галицкаго, Александра Невскаго. Никогда не имѣла она и гражданственности самобытной, заимствовавъ внутреннее устройство или отъ Русскихъ, или отъ Поляковъ, удержавъ одинъ языкъ, и то въ низшихъ сословіяхъ. Князья Литовскіе успѣли утвердить свою власть въ западной Руси не побѣдами своего народа, а иными средствами. Прежде всего надобно замѣтить, что они съ давнихъ временъ, задолго до Гедимина, тѣмъ болѣе послѣ него, были въ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ съ потомками Владиміра Св. Сыновья ихъ обыкновенно женились на Русскихъ Княжнахъ; дочери выходили за Русскихъ Князей. Это родство такъ было постоянно, такъ часто возобновлялось, что со временъ Миндовга рѣдкій изъ Литовскихъ Князей не принадлежалъ по женскому колѣну къ роду Владиміра Св. Такъ племянница Миндовга была за Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ; дочь его за Шварномъ Даніиловичемъ; Ольгердъ, сынъ Гедиминовъ, женатъ былъ на Княжнѣ Тверской; другой сынъ, Любартъ, на Княжнѣ Волынской; сынъ Ольгердовъ, Корибутъ, на Княжнѣ Рязанской, другой сынъ Свидригайло на Княжнѣ Тверской; дочь его была за Борисомъ Константиновичемъ Суздальскимъ; другая за Княземъ Черниговскимъ; дочь Кейстута за Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ; дочь Витольда, Софія, за Василіемъ Димитріевичемъ, сыномъ Донскаго.

Неминуемымъ слѣдствіемъ родства Князей Литовскихъ съ Русскими было другое важное обстоятельство, тѣсно соединявшее одно поколѣніе съ другимъ: крещеніе большей части Литовскихъ Князьковъ, по Греческому закону.

Не только Воишелгъ и Довмонтъ, причисленный нашею Церковію къ лику Святыхъ, но и всѣ дѣти Ольгерда исповѣдывали Русскую Вѣру, даже самъ Ягелло, крещенный Папою, какъ язычникъ. Народъ Литовскій большею частію оставался въ язычествѣ: ибо Русское Духовенство никогда не употребляло насилія къ обращенію идолопоклонниковъ; но Князья Литовскіе, рожденные отъ Русскихъ Княженъ, женатые на Русскихъ Княжнахъ, крещенные въ Русскую Вѣру, видѣли въ потомкахъ Вдадиміра Св. кровныхъ братьевъ. Русскіе Князья смотрѣли съ своей стороны также точно и на Литовскихъ Князей: вели съ ними споры и войны въ томъ же смыслѣ, какъ воевали другъ съ другомъ, уступали удѣлы, мѣнялись ими, отнимали ихъ, ссорились, мирились, роднились. Такъ Воишелгъ уступилъ все свое государство сыну Даніилову, Шварну; такъ внукъ Даніиловъ отдалъ дѣтямъ Гедиминовымъ Владиміръ Волынскій; одинъ сынъ Ольгердовъ помогалъ Мамаю противъ Димитрія Донскаго; другіе дѣти поддерживали Димитрія, много содѣйствовали къ побѣдѣ Куликовской и получили отъ сына Донскаго удѣлы даже въ Княжествѣ Московскомъ. Однимъ словомъ, уже со временъ Миндовга, а можетъ быть и ранѣе, Литовскіе Князья, такъ тѣсно были соединены съ Русскими, что можно было бы согласиться съ современными сказаніями о происхожденіи ихъ отъ Князей Полоцкихъ, изъ рода старшаго сына Владиміра Св. если бы наши Лѣтописи не удостовѣряли, что не всѣ они были Христіане, и что нѣкоторые оставались въ язычествѣ, чего безъ сомнѣнія не могло бы случиться съ потомками Владиміра Св.

Вникнувъ въ отношенія Литовскихъ Князей къ Русскимъ, мы легко поймемъ, какъ возникло Литовское Княжество, т. е. почему Русскій народъ за Днѣпромъ призналъ надъ собою власть инородческаго дома. Дѣло въ томъ: Геди-

минъ сначала утвердилъ свою власть въ Полоцкомъ и Кривскихъ Княжествахъ; отсюда приготовилъ господство въ большей части юго-западной Руси свойствомъ съ потомками Даніила Романовича, и довершилъ пріобрѣтеніе оной силою оружія, дѣйствуя Русскими противъ Русскихъ, такъ точно, какъ дѣйствовали и прежде и послѣ него потомки Владиміра Св. другъ противъ друга. Благоразумное правленіе скрѣпило его державу: онъ не тѣснилъ вѣроисповѣданія, не отмѣнялъ древнихъ уставовъ, признавалъ верховный судъ Московскаго Митрополита въ дѣлахъ церковныхъ. Русскіе безъ прекословія повиновались ему, уже привыкнувъ къ частымъ переходамъ удѣловъ изъ рукъ въ руки, изъ одних поколѣній въ другія, если только они были отраслями господствующаго племени; Литовскіе же Князья, по темному преданію, коему впрочемъ вѣрили современники, еще болѣе по родству ихъ съ Русскими Князьями, считались потомками Владиміра Св. и уже давно принадлежали къ владѣтельному дому. Къ этому присоединилось важное обстоятельство, болѣе всего утвердившее власть Гедимина: въ Черниговѣ, Кіевѣ, на Волыни видѣли въ немъ избавителя отъ тягостнаго рабства и грознаго соперника Монголамъ, которые не разъ, но всегда тщетно, старались овладѣть Литвою; удаленный отъ гнѣзда Монголовъ, отъ Золотой Орды, Литовскій Князь не вступалъ въ явную ссору съ Узбекомъ, даже дозволялъ приходить его баскакамъ за дарами; но не думалъ ѣхать въ Орду съ поклономъ и смѣло ополчался на злодѣевъ, державшихъ сторону потомковъ Даніиловыхъ. Преемники же его отказались отъ всякихъ дружелюбныхъ сношеній съ Ордою и тѣмъ заслуживъ признательность своихъ новыхъ подданныхъ, еще болѣе утвердили свою власть любовію народною. Сообразивъ все вышесказанное, я нахожу, что основанная Гедиминомъ держава, подъ именемъ Великаго Княжества

Литовскаго, была чисто Русская, что не только Религія, языкъ, гражданское устройство выражали Русскій отпечатокъ, но и самые Князья въ глазахъ современниковъ принадлежали къ владѣтельному дому Владиміра Св.

Сынъ Гедиминовъ Ольгердъ, дѣйствуя, какъ явный врагъ Монголовъ, не могъ быть другомъ Князей Московскихъ, подвластныхъ Ханамъ Золотой Орды. Онъ былъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ восточной Руси, или къ Московскому Государству, въ какихъ находился отецъ его Гедиминъ къ юго-западной, или къ Галицкому Королевству. Какъ тамъ, такъ и здѣсь Князья Удѣльные видѣли въ Литовскихъ Князьяхъ не столько завоевателей, сколько избавителей отъ ига Монгольскаго: города, болѣе другихъ ненавидѣвшіе рабство, Новгородъ и Псковъ, охотно признавали дѣтей и внуковъ Гедиминовыхъ своими Князьями, и если не могли съ ними ужиться, то по тѣмъ же самымъ причинамъ, по коимъ не ладили съ потомками Мономаха. Народъ не чуждался ихъ, видя въ нихъ ревностныхъ Христіанъ. Оставалось только рѣшить вопросъ, кто кого одолѣетъ, сынъ ли Гедимина, внукъ ли Калиты? Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ Димитріемъ Донскимъ. Онъ не только не хотѣлъ уступить Ольгерду того, чего Литва не успѣла присвоить въ восточной Руси, но думалъ присоединить къ своей державѣ и тѣ области, коими она уже владѣла за Днѣпромъ, слѣдуя правилу великаго дѣда своего, что всѣ Русскія земли должны войти въ составъ одного государства, подвластнаго одному семейству. Отселѣ началась родовая вражда между потомками Гедимина и Калиты. Не надобно однакожъ представлять себѣ эту вражду, по примѣру нашихъ бытописателей, народною: споръ Донскаго съ Ольгердомъ и Ягелломъ былъ споръ семейный, въ томъ смыслѣ, какъ прежде ссорились наши Князья Ольговичи и Мономаховичи за удѣлы, только въ обширнѣйшемъ смыслѣ. И тотъ и другой домъ стремил-

ся къ первенству, къ господству надъ всѣми Русскими землями. Князья западные изъ рода Гедимина старались утвердить свою власть въ Смоленскѣ, Твери, Псковѣ, Новѣгородѣ, чтобы присвоить и самую Москву; Князья Московскіе изъ рода Калиты отстаивали эти города и въ свою очередь помышляли о распространеніи своихъ владѣній за самый Днѣпръ, покровительствуя даже Князьямъ Волынскимъ. Иногда бралъ перевѣсъ владѣтель западной Руси, иногда владѣтель восточной; даже трудно сказать, отъ кого болѣе зависѣли Княжества Смоленское, Тверское, Псковское, Новгородское. Однимъ словомъ соединеніе всѣхъ Русскихъ земель въ одно цѣлое было приготовлено уже при Димитріи Донскомъ. Но судьбѣ угодно было отсрочить это вожделѣнное событіе, чтобы тяжкими уроками еще болѣе убѣдить потомство въ необходимости единодержавія въ землѣ Русской: въ 1386 году домъ Гедимина вступилъ на Польскій престолъ и связавъ судьбу своего государства съ судьбою Польши, поставилъ западную Русь въ такое положеніе, что она могла соединиться съ восточною только послѣ долговременной, трудной борьбы: ибо съ тѣхъ поръ самая Польша должна была неминуемо войти въ составъ одной державы Русской.

Соединеніе Литовскаго Княжества съ Польшею есть другой фактъ, на который большею частію неправильно смотрятъ и Русскіе и Польскіе, за ними и Французскіе и Нѣмецкіе писатели. Русскіе говорятъ объ этомъ важномъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ всемірномъ, болѣе всего для насъ достопамятномъ событіи, мимоходомъ, какъ будто о постороннемъ дѣлѣ, напримѣръ, о соединеніи Швеціи съ Норвегіею. Поляки насъ увѣряютъ, что они овладѣли Литвою, добыли ее по праву, что она искала ихъ покровительства, ихъ законовъ и проч. Соединеніе Литовскаго Княжества съ Польшею, по моему мнѣнію, было неиз-

бѣжно, но только не въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно увѣряютъ насъ. Предлагаю соображенія, основанныя на фактахъ. Прежде всего надобно сказать, что такое была Польша въ то время, когда пресѣкся Королевскій домъ Пястовъ. Это относится ко второй половинѣ XIV вѣка. Состояніе Польши тогда было несравненно злополучнѣе нашего: не взирая на Монгольское иго, на распри Князей, у насъ всѣ условія жизни общественной были ознаменованы какимъ то единствомъ: все стремилось къ дружному согласію, и притомъ все выражало одинъ національный типъ. Власть духовная поддерживала свѣтскую и никогда съ нею не спорила; бояре и высшія сословія, не имѣя даже понятія о правахъ феодальныхъ, были истинною опорою престола; среднія и низшія сословія горѣли пламенною любовію къ своей вѣрѣ, къ своему Государю, въ коемъ видѣли своего судью и защитника. Въ этомъ согласіи основныхъ элементовъ государственныхъ заключалась неодолимая сила Русскаго народа. Въ Польшѣ, напротивъ того, во всемъ замѣтно было чудное разногласіе. Король спорилъ съ Папою, съ Императоромъ за Королевскій титулъ; съ родственниками за Краковскій престолъ; Князья Удѣльные спорили другъ съ другомъ за удѣлы, съ Королемъ за независимость, съ вельможами за право суда, съ среднимъ сословіемъ за пошлины и оброки, съ духовенствомъ за десятину. Народъ состоялъ изъ природныхъ Поляковъ, изъ многочисленнаго класса всельниковъ Нѣмецкихъ, изъ Евреевъ. Тѣ и другіе имѣли свой судъ и расправу; сверхъ того были еще многочисленные классы привилегированные, имѣвшіе исключительное право монополій. Наконецъ въ самомъ языкѣ было разногласіе съ понятіями: въ божественной службѣ, въ дѣлахъ судебныхъ, въ словесности, господствовалъ языкъ Латинскій, не понятный для большей части народа; такъ было и во всей Европѣ (исключая одной Россіи, гдѣ во

всѣхъ случаяхъ употреблялся одинъ языкъ Русскій); но для государствъ, возникшихъ на развалинахъ Римской Имперіи, Латинскій языкъ былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ роднымъ, по крайней мѣрѣ благороднѣйшимъ, въ Славянской же землѣ онъ рѣшительно былъ чуждымъ нарѣчіемъ. При такомъ разногласіи правъ, понятій, уставовъ, при всеобщемъ противорѣчіи основныхъ элементовъ государственныхъ, Польша едва ли могла существовать въ видѣ самостоятельнаго государства: ей не доставало внутренней силы, чувства народнаго, которое возникаетъ только подъ вліяніемъ родныхъ уставовъ, роднаго языка, родныхъ обыкновеній, при неразрывномъ согласіи всѣхъ условій общественныхъ. Ей необходима была опора, которая поддерживала бы это нестройное тѣло, носившее отъ самаго рожденія недугъ разрушительный. Она прислонилась было сперва къ Венгріи; но бывъ оставлена избраннымъ Королемъ Людовикомъ, примкнула къ Великому Княжеству Литовскому. На Литовскомъ престолѣ въ то время былъ сынъ Ольгердовъ, Ягелло: Магнаты Польскіе видѣли въ немъ страшнаго врага, боялись, что онъ завоюетъ Королевство и съ радостію услышали, что онъ хочетъ жениться на Королевѣ Ядвигѣ, требуя престола и обѣщая соединить обѣ короны. Ягелло наводилъ такой ужасъ на Поляковъ, что его считали косматымъ чудовищемъ, и юная Ядвига, только для спасенія своего отечества отъ неминуемаго завоеванія, отдала ему свою руку, обѣщанную прежде Герцогу Австрійскому. Этотъ фактъ лучше всего объясняетъ отношенія Литвы къ Польшѣ: въ самомъ дѣлѣ, со временъ Миндовга, Литовскіе Князья частыми нападеніями на Мазовію обнаружили явное намѣреніе овладѣть раздробленною державою Пястовъ, и по всей вѣроятности ей не миновать бы этой участи, если бы Польскіе чины не поспѣшили добровольнымъ соединеніемъ съ западною Русью предупре-

дить бѣду. Доказательствомъ, что этого соединенія искали и, такъ сказать, добивались не Литовцы, а Поляки, служитъ рядъ событій до второй половины XVI вѣка, изъ коихъ видно, что Литовское Княжество неоднократно разрывало союзъ, но что Поляки постоянно держались правила, возводить на свой престолъ потомковъ Гедиминовыхъ.

Я счелъ нужнымъ нѣсколько подробнѣе изложить свое мнѣніе о Литовскомъ Княжествѣ, во 1, потому, что вижу въ немъ чисто Русское государство, а не чуждую страну; во 2, что съ судьбою западной Руси тѣсно соединяется судьба восточной Руси; въ 3, что союзъ Литовскаго Княжества съ Польшею породилъ важнѣйшія событія въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ; въ 4, наконецъ, что все мною изложенное представляется обыкновенно въ превратномъ видѣ Поляками, которые, поработивъ въ послѣдствіи лучшую часть Русской земли, старались изуродовать и Исторію ея.

Въ дополненіе къ обозрѣнію Монгольскаго періода необходимо объяснить слѣдствія ига. Монголы оставили глубокіе слѣды въ нашемъ отечествѣ. Вліяніе ихъ на судьбу Руси наиболѣе замѣтно въ ходѣ самыхъ событій, въ раздробленіи Русской земли на двѣ части, на Московскую и Литовскую, въ перевѣсѣ дома Іоанна Калиты надъ прочими удѣльными отраслями. Это однакожъ не главное и притомъ едва ли прямое слѣдствіе нашего ига. Правда, поддерживая домъ Іоанна Калиты, Ханы сильно потрясли удѣльную систему и приготовили единодержавіе; но, соображая свою Исторію до Монголовъ, мы вправѣ сказать, что и безъ нихъ удѣльная система, при новыхъ, лучшихъ понятіяхъ о верховной власти, рушилась бы такъ точно, какъ пала феодальная въ западной Европѣ, гдѣ зло вкоренилось еще глубже. Притомъ же Ханы не всегда покровительствовали Князей Московскихъ: со

временъ Димитрія Донскаго, они неоднократно покушались исторгнуть у нихъ первенство, отдавая Великокняжескій престолъ Князьямъ Тверскимъ, Нижегородскимъ, Рязанскимъ. Монгольская печать глубоко врѣзалась въ многообразныхъ формахъ жизни общественной или внутреннемъ устройствѣ, и въ характерѣ народномъ. Съ перваго взгляда вліяніе Монголовъ на гражданственность Русскаго народа не могло быть значительно: они вели жизнь кочевую, далеко уступали намъ въ развитіи ума, не могли передать намъ ни какихъ идей гражданскихъ; управляли нашими предками издали, не смѣшиваясь съ ними; наконецъ мы видѣли въ нихъ злодѣевъ, нехристей, и все Татарское считали погапымъ. При всемъ томъ они властвовали надъ Русью долго, болѣе 2 вѣковъ: вліяніе было неминуемо. Для лучшаго уразумѣнія слѣдствій нашего ига, я сравниваю въ главныхъ условіяхъ жизни гражданской, Русь XIII съ Русью XV вѣка, чтобы видѣть, какія перемѣны произошли въ государственномъ организмѣ. Главные предметы, на кои должно обратить вниманіе, суть: 1) верховная власть; 2) сословія народныя; 3) государственное управленіе въ отношеніи къ сбору податей, суду и расправѣ; 4) дѣло ратное; 5) языкъ; 6) Вѣра.

Съ половины XV вѣка въ судьбѣ Руси восточной и западной настаетъ важная перемѣна. Въ восточной мы видимъ блестящее зрѣлище: разновластіе быстро исчезаетъ; удѣльная система падаетъ; Орда Сарайская гибнетъ; потомки Чингисовы не смѣютъ даже думать о господствѣ надъ Русскою землею: владѣнія ихъ одно за другимъ входятъ въ составъ могущественнаго *Русскаго царства*. Европа привѣтствуетъ Москву, какъ новую державу; еще не включаетъ ея въ свою систему; но уже охотно ведетъ съ нею дѣятельныя сношенія торговыя. Русскіе Цари столь же усердно ищутъ дружбы Европейскихъ Государей, за-

имствуютъ отъ просвѣщенныхъ народовъ плоды искусствъ и художествъ, не измѣняя однакожъ прародительскимъ правамъ и обыкновеніямъ; между тѣмъ заботятся о лучшемъ порядкѣ суда и расправы, о военномъ устройствѣ, о народной промышленности; въ то же время не упускаютъ изъ виду единоплеменной Руси, отторгнутой Польшею, и съ первыхъ лѣтъ государственной независимости обнаруживаютъ явное намѣреніе соединить всю *Русскую землю* подъ свою державу. Одушевляемое Св. Вѣрою, скрѣпляемое самодержавіемъ, Русское Царство къ концу XVI вѣка развиваетъ мощныя силы. Въ началѣ XVII столѣтія обнаруживается жестокій внутренній переломъ, неминуемое слѣдствіе пресѣченія древней династіи; послѣ сильнаго волненія, дѣла приходятъ однакожъ въ прежній порядокъ, и Государи изъ дома Романовыхъ, неуклонно слѣдуя политикѣ древнихъ Царей изъ дома Іоанна Калиты, приготовляютъ Русское Царство къ занятію почетнаго мѣста въ системѣ Европейскихъ державъ.

Иная была участь западной Руси, неподвластной Государямъ изъ рода Іоанна Калиты. Случайнымъ обстоятельствомъ связавъ судьбу свою съ судьбою Польши, она около двухъ вѣковъ силилась разорвать тягостный для нея союзъ и нерѣдко изъявляла живѣйшее желаніе присоединиться къ Русскому Царству; но Римскій Дворъ и Польскій Сенатъ такъ хитро разставили свои сѣти, что Литовское Княжество не могло выпутаться изъ нихъ, и добровольно отказалось отъ самостоятельности, въ то самое время, когда Русское Царство, въ конецъ разоривъ Монгольскіе улусы, утвердило свое бытіе могущественное. Первымъ слѣдствіемъ окончательнаго соединенія западной Руси съ Польшею было своеволіе магнатовъ, угнетеніе низшихъ сословій, разстройство гражданскаго порядка; вторымъ, внутреннія междоусобія и опустошительныя войны внѣшнія, коихъ не въ силахъ было устра-

нить слабое Польское правительство; третьимъ, и самымъ несчастнымъ слѣдствіемъ было жестокое гоненіе Православной Церкви, равно бѣдственное и для западной Руси и для Польши.

Сообразно такому взгляду на событія отъ половины XV вѣка до конца XVII столѣтія, я разсматриваю въ хронологическомъ порядкѣ дѣянія Русскихъ Царей, слѣдующимъ образомъ: Іоаннъ III ознаменовалъ свое правленіе: 1) уничтоженіемъ удѣльной системы; 2) покореніемъ Новагорода; 3) сверженіемъ ига; 4) началомъ присоединенія Русскихъ земель отъ Литовскаго Княжества къ Московскому Государству; 5) сближеніемъ съ Европою и 6) внутреннимъ устройствомъ. Василій поддержалъ его политику, не безъ успѣха боролся съ Литвою, съ Крымомъ, съ Казанью, и довершилъ уничтоженіе удѣльной системы. Въ царствованіе Іоанна IV замѣтны три отличные періода: 1) суровое правленіе Елены и 10 лѣтнія смуты вельможъ; 2) блестящія дѣла Сильвестра и Адашева, и 3) грозное правленіе самого Іоанна. При Ѳеодорѣ, Борисъ Годуновъ возобновилъ умную, дальновидную и съ тѣмъ вмѣстѣ осторожную политику Іоанна III. Важнѣйшимъ дѣйствіемъ его было учрежденіе Патріаршаго престола и начало укрѣпленія крестьянъ за помѣщиками. Въ учрежденіи Патріаршаго достоинства нѣкоторые писатели видятъ какой-то расчетъ мелкаго честолюбія, предполагая, что Годуновъ, уже помышляя о коронѣ, думалъ найти себѣ твердую опору въ особѣ Патріарха, который своимъ саномъ могъ его поддерживать. Мнѣніе едва ли справедливое: въ такомъ случаѣ Митрополитъ могъ оказать ему ту же самую услугу; надобно было только избрать въ первосвятители преданнаго человѣка. Кромѣ того, благочестивый Ѳеодоръ едва ли согласился бы безъ важныхъ побудительныхъ причинъ на такое нововведеніе въ Церкви; да и сами Греческіе Патріархи не рѣшились

бы дать Россіи первосвятителя, который лишалъ ихъ всѣхъ выгодъ, получаемыхъ ими отъ нашего отечества. Я полагаю, что умный Годуновъ хотѣлъ противопоставить Папѣ равносильнаго соперника, чтобы поддержать православіе въ западной Руси и тѣмъ крѣпче связать ея участь съ судьбою восточной Руси.

Разсматривая современное положеніе западной Руси съ половины XV вѣка до конца XVII, я обращаю вниманіе: 1) на отношенія Литовскаго Княжества къ Польшѣ до 1569 года; 2) на окончательное соединеніе Литвы съ Польскимъ Королевствомъ; 3) на постоянное стремленіе западной Руси расторгнуть союзъ и признать главою Царя православнаго; 4) на мѣры Польскаго Сената и Римскаго Двора скрѣпить этотъ союзъ и 5) въ подробности объясняю важнѣйшую изъ этихъ мѣръ — Унію. 1569 годомъ прекращается отдѣльная Исторія Литовскаго Княжества. Но бытописатель не долженъ упускать его изъ вида и обязанъ показать, какими средствами Поляки старались подавить въ немъ Русскую народность. Полагаю, что объясненіе результатовъ Польской политики удобнѣе всего отнести къ концу XVII вѣка, когда необходимо бросить общій взглядъ на древній Русскій міръ, о чемъ сказано будетъ ниже.

Отличительный характеръ времени Самозванцевъ мнѣ кажется былъ слѣдующій: это былъ переломъ, потрясшій Русское Царство при переходѣ Державной власти отъ древней династіи къ новой. Въ главной идеѣ онъ сходствуетъ съ подобными переворотами западныхъ народовъ; и тамъ и здѣсь возникалъ споръ за корону между многими искателями. Тѣмъ не менѣе событія, ознаменовавшія его, безпримѣрны въ Исторіи. Онъ представляетъ страшную борьбу двухъ Вѣнценосцевъ, равно умныхъ, хитрыхъ, избранныхъ государственными чинами, съ неизвѣстными бродягами, увлекавшими за собою всѣ сосло-

вія однимъ именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ. Русскій народъ, одушевляемый свойственною ему привязанностію къ роду законныхъ Царей своихъ, вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ, не хотѣлъ вѣрить, чтобы домъ Іоанновъ могъ угаснуть, думалъ спасти послѣднюю отрасль его и до того простеръ свое заблужденіе, что даже послѣ Разстриги стоило только Жиду назвать себя Димитріемъ, чтобы видѣть полцарства Русскаго у ногъ своихъ. Ослѣпленіе продолжалось цѣлые 6 лѣтъ. Въ послѣдствіи, когда неоднократные уроки образумили нашихъ предковъ, страсти уже не знали границъ и внутреннія неустройства наши приняли характеръ обыкновеннаго въ подобныхъ случаяхъ безначалія: возникли партіи, вмѣшались сосѣди, начались междоусобныя войны, явились защитники народной славы, національное чувство пробудилось и поддерживаемое Религіею, спасло Русь, вручивъ судьбу ея дому Романовыхъ.

При такомъ ходѣ событій, внутренній переломъ Русскаго Царства, неминуемое слѣдствіе прекращенія древней династіи, отличается отъ подобныхъ случаевъ, встрѣчающихся въ Исторіи прочихъ Державъ, особеннымъ характеромъ, въ коемъ отразилась вся душа Русскаго народа. Это не былъ кровавый споръ за Вѣру, потрясаемую сектами, столь несвойственный Русскимъ; ни политическій расколъ, порожденный неясностью или столкновеніемъ правъ нѣсколькихъ Фамилій; ни порывъ народнаго своеволія: это было краснорѣчивое выраженіе двухъ главныхъ страстей Русскаго народа — безпредѣльной любви къ Царскому дому и ненависти къ иноземному владычеству. Первая страсть отразилась въ удачной борьбѣ Самозванцевъ съ Борисомъ Годуновымъ и Васпліемъ Шуйскимъ; вторая въ борьбѣ Русскаго народа съ Поляками и Шведами. Покидая Бориса и Василія, всѣ сословія стекались подъ знамена Разстриги и Тушинскаго вора съ одною

мыслію спасти Царскую отрасль. Когда же обманъ обнаружился несомнѣнно, все возстало въ грозномъ величіи подъ знаменами Ляпунова и Пожарскаго за Русскую землю, терзаемую иноземцами. Отъ того время Самозванцевъ, начавшись всеобщимъ взрывомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ кончилось всеобщею тишиною, не оставивъ ни какихъ слѣдовъ въ государственномъ организмѣ, не измѣнивъ прежнихъ уставовъ, понятій и отношеній, между тѣмъ, какъ подобныя явленія въ другихъ странахъ влекли за собою долголѣтнее броженіе умовъ и нерѣдко измѣняли коренные уставы государственные. Въ слѣдствіе сего, время Самозванцевъ достопамятно не по вліянію на государственное устройство, а по разнообразію чудесныхъ, почти невѣроятныхъ событій, по краснорѣчивому выраженію народнаго характера, по дѣйствіямъ лицъ, являвшихся на сценѣ. Оно представляетъ четыре главныя картины: 1) борьбу Годунова съ первымъ Самозванцемъ, кончившуюся паденіемъ того и другаго; 2) борьбу Василія Шуйскаго съ Тушинскимъ воромъ, имѣвшую такой же конецъ; 3) борьбу Русскаго народа съ Поляками и Шведами за государственную независимость; 4) воцареніе дома Романовыхъ. Восшествіе на престолъ Михаила Ѳеодоровича было предѣломъ государственнаго перелома, неминуемаго зла при переходѣ верховной власти отъ древней династіи къ новой. Россія, избавясь отъ него, какъ отъ тяжкаго недуга, вскорѣ уврачевала свои раны и явилась въ томъ же видѣ, въ какомъ оставила ее древняя династія, не измѣнивъ въ главныхъ основаніяхъ своего гражданскаго устройства. Новой династіи предоставлена была власть неограниченная, самодержавная; всѣ формы внутренняго организма остались прежнія. Тѣмъ не менѣе слѣдствія внутренней и внѣшней борьбы были ощутительны. Главнѣйшимъ плодомъ ея была взаимная вражда Россіи и Польши: мы не могли простить Полякамъ вѣроломнаго вмѣшательства въ наши

неустройства, грабежей и кровопролитія; они злобились на насъ за неудачу своихъ замысловъ, за гибель своихъ единоземцевъ.

Характеръ правленія первыхъ трехъ Государей изъ дома Романовыхъ былъ, по мнѣнію моему, слѣдующій: Михаилу принадлежитъ слава благоразумнаго правителя, соединявшаго въ себѣ всѣ необходимыя качества для успокоенія государства. Величайшее искусство, коего не имѣли ни Годуновъ, ни Шуйскій, состояло въ томъ, чтобы не охладить къ себѣ любви подданныхъ; умы же въ то время такъ были раздражительны, такъ легко принимали всякаго рода впечатлѣнія, что съ одной стороны каждый невѣрный шагъ велъ въ бездну, съ другой каждая мудрая мѣра скрѣпляла союзъ Государя съ подданными. Чистый въ совѣсти, непричастный ни одной партіи, Михаилъ покрылъ забвеніемъ всѣ прежніе грѣхи царедворцевъ; не хотѣлъ знать, кто былъ приверженцемъ Годунова, Отрепьева, Шуйскаго, вора Тушинскаго или Владислава; не возвышалъ никого, самыхъ сродниковъ своихъ, на степень царскихъ любимцевъ; каждому давалъ дѣло по способностямъ; щадилъ права людей родословныхъ; разбиралъ ихъ споры въ случаѣ ихъ мѣстничества, оправдывалъ правыхъ, строго наказывалъ виновныхъ. Предъ судомъ его были всѣ равны: самъ Пожарскій, чрезъ годъ по изгнаніи Поляковъ изъ Москвы, былъ выданъ головою за неправое мѣстничество. Судъ нелицепріятный, кротость безъ слабости, твердость безъ жестокости, пріобрѣли Михаилу всеобщую любовь высшихъ сословій; низшимъ угодить было не трудно: народъ благословлялъ небо, даровавшее отечеству Царя православнаго, Царской крови, спасителя вѣры, правъ, нравовъ и обычаевъ. Болѣе ничего не требовали. Въ шестой годъ Михаилова правленія Россія наслаждалась уже миромъ, и только потеря Смоленска съ утратою городовъ Прибалтійскихъ напоминала

ей минувшія бѣдствія. Походъ Шеина свидѣтельствуетъ, что Михаилъ не думалъ отказаться отъ своихъ правъ на западныя области; но время еще не приспѣло.

Съ именемъ Царя Алексѣя Михайловича потомство привыкло соединять идею Государя мудраго, дѣятельнаго въ устройствѣ внутреннемъ, счастливаго въ дѣлахъ внѣшнихъ. Такъ судятъ объ немъ, не зная и сотой доли его дѣяній; чѣмъ болѣе открывается современныхъ свидѣтельствъ, тѣмъ справедливѣе становится приговоръ потомства. Наслѣдовавъ отъ отца своего державу, еще не исцѣлившуюся отъ ранъ, нанесенныхъ ей Самозванцами и вѣроломными сосѣдями, безсильную внутри, слабую извнѣ, носившую въ нѣдрахъ своихъ сѣмена неустройствъ, взаимнаго боренія сословій, безъ всякаго вѣса въ политической системѣ западныхъ государствъ, даже безъ надежнаго оплота противъ непріязненныхъ сосѣдей, ожидавшихъ только случая вновь ограбить и унизить ее, Алексѣй оставилъ своимъ преемникамъ государство сильное, благоустроенное, съ явнымъ перевѣсомъ надъ опаснѣйшею соперницею, Польшею, со всѣми средствами къ господству надъ Европейскимъ сѣверомъ, уважаемое на западѣ, грозное на востокѣ и югѣ. Двѣ главныя мысли руководствовали Алексѣемъ въ дѣлахъ внутреннихъ: 1) онъ желалъ искоренить многообразныя злоупотребленія, вкравшіяся со временъ Самозванцевъ; 2) старался ввести во всемъ порядокъ, согласіе, все основать на законѣ, утвердить добрую нравственность, усилить вліяніе вѣры. Онъ не вводилъ, подобно великому сыну своему, почти ничего новаго; не измѣнялъ формъ управленія; не заботился о народномъ образованіи науками и искусствами; вообще усердно держался прародительскихъ обычаевъ и уставовъ; но каждой отрасли тогдашней гражданской дѣятельности указывалъ мѣсто, давалъ направленіе, назначалъ кругъ дѣйствія. Постоянно слѣдуя системѣ строй-

наго единства и порядка, онъ не довольствовался, подобно предшественникамъ, отдѣльными узаконеніями; но всѣ явленія государственной жизни озирая во всемъ объемѣ, издавалъ цѣлые уставы, гдѣ главные случаи были предусмотрѣны и опредѣлены закономъ. Высокая мысль руководила Алексѣемъ въ дѣлахъ внѣшней политики: подобно Димитрію Донскому, Іоанну III, Іоанну Грозному, Борису Годунову, онъ понималъ необходимость и возможность возстановить Русскую землю въ древнихъ ея предѣлахъ, сосредоточить ее въ одно цѣлое и кончить вѣковой споръ Россіи съ Польшею за Литовское Княжество для блага обѣихъ державъ. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ такъ постоянно и вѣрно, что ровно за 100 лѣтъ до Екатерины II, Польша добровольно отказалась отъ своей самостоятельности, поручивъ судьбу свою Россійскому Государю, и если Алексѣй не успѣлъ скрѣпить союзъ обоихъ народовъ, виною тому были многіе случайныя обстоятельства; по крайней мѣрѣ онъ доказалъ, что рано или поздно Польша должна войти въ составъ Россіи.

Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича было въ полномъ смыслѣ продолженіемъ государствованія Алексѣя Михайловича, безъ всякой перемѣны въ политикѣ внѣшней и внутренней. Юный лѣтами, обремененный тѣлесными недугами, но крѣпкій духомъ, Ѳеодоръ весьма ясно понималъ мысль мудраго отца о необходимости даровать государству положительные законы для обезпеченія личной безопасности и права собственности, и утвердить господство въ Малороссіи, которое долженствовало вести къ расширенію нашего владычества въ югозападной Руси.

Оканчивая Древнюю Исторію замѣчательнымъ правленіемъ Царевны Софіи, я считаю необходимымъ бросить взглядъ на Древній Русскій міръ, относительно къ тѣмъ формамъ, въ коихъ проявлялась жизнь Русскаго народа, чтобы вполнѣ уразумѣть, въ какомъ состояніи находилось

наше отечество предъ началомъ великаго преобразованія. И какъ жизнь народа обнаруживается въ трехъ видахъ, въ государственномъ, общественномъ и частномъ или домашнемъ, то слѣдуетъ разсмотрѣть: 1) жизнь государственную, т. е. тѣ формы, въ коихъ Россія являлась въ кругу прочихъ державъ, какъ общество гражданское, составленное изъ разныхъ сословій и управляемое своими уставами; 2) жизнь общественную, или тѣ формы, въ коихъ народъ обнаруживалъ свои нравственныя, умственныя и промышленныя силы; 3) жизнь частную—формы домашняго быта каждаго сословія. Предметы перваго отдѣленія суть: 1) Государь и подданные; 2) основные законы; 3) образъ управленія внутренняго и внѣшняго; 4) устройство церкви; 5) судъ и расправа; 6) войско. Предметы втораго отдѣленія: 1) образъ промышленности земледѣльческой, мануфактурной, торговой; 2) монета, мѣра, вѣсъ; 3) науки и художества; 4) языкъ. Предметы третьяго отдѣленія: 1) нравы и обычаи; 2) одежда, пища, домостроительство и проч.

Для вѣрнѣйшаго понятія о сихъ предметахъ, должно обратить вниманіе на то время, когда древняя жизнь наша достигла полнаго развитія и созрѣла предъ серпомъ Петровымъ; слѣдовательно преимущественно надобно разсмотрѣть XVII столѣтіе, тѣмъ болѣе, что о предшествовавшихъ вѣкахъ мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія. Но какъ образъ нашей жизни XVII вѣка перелился изъ прежнихъ формъ, то для объясненія его необходимо обозрѣть каждый предметъ въ постепенномъ развитіи. Въ такомъ смыслѣ въ планъ нашей Исторіи должно войти историческое обозрѣніе Церкви, Законодательства, Словесности, языка и проч. Въ томъ же порядкѣ надобно разсматривать состояніе и западной Россіи: только такимъ средствомъ можно узнать, что была западная Россія до соединенія съ Польшею и чѣмъ она стала подъ игомъ Поляковъ.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1) Ощутительный недостатокъ прагматической Русской Исторіи, сообразной съ потребностями вѣка, зависитъ не отъ скудости матеріаловъ, а отъ неудачнаго выбора системы, какъ въ начертаніи общаго плана, такъ и въ изложеніи подробностей.

2) При начертаніи общаго плана прагматической Русской Исторіи, необходимо вникнуть въ главный ходъ событій и вывести начала изъ господствовавшихъ явленій, въ коихъ отражалась судьба всего государства, не увлекаясь односторонними соображеніями хода дѣлъ западной Европы: ибо у насъ развитіе государственной и народной жизни до Петра Великаго совершалось подъ вліяніемъ иныхъ обстоятельствъ.

3) Этотъ планъ, по самой сущности дѣла, долженъ обнимать всю Русь, а не одну только восточную часть ея. Въ Русскую Исторію необходимо ввести Литовское Княжество, возникшее изъ соединенія западныхъ Русскихъ Княжествъ въ одно цѣлое, подъ властью дома Гедимина, такъ точно, какъ Московское Государство было соединеніе восточныхъ Княжествъ въ одно цѣлое подъ властію дома Іоанна Калиты.

4) Литовское Княжество, обыкновенно выпускаемое изъ вида Русскими бытописателями, тѣмъ болѣе заслуживало ихъ вниманія, что въ XIV и XV столѣтіяхъ сомнителенъ былъ вопросъ, кому властвовать въ Русской землѣ, дому ли Іоанна Калиты, роду ли Гедимина; при томъ же въ обитателяхъ его никогда не исчезала мысль о родствѣ съ Государствомъ Московскимъ, живо обнаружившаяся при Іоаннѣ III, Іоаннѣ IV, Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ.

5) Одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ Русскихъ бытописателей есть неправильное понятіе о методѣ изложе-

нія подробностей: они смотрѣли на Исторію государства, какъ на собраніе біографій; между тѣмъ, какъ она должна быть картиною постепеннаго развитія жизни общественной и народной, или правильнѣе изображеніемъ переходовъ гражданскаго общества изъ одного состоянія въ другое.

6) Изображая судьбу государства, бытописатель въ нѣкоторомъ смыслѣ олицетворяетъ его и описываетъ не жизнь Государей, а его собственную жизнь, — его умъ, представителемъ коего вездѣ Правительство, его религіозныя и нравственныя понятія, его знаніе, искусство, наконецъ самый образъ жизни: для сего онъ слѣдитъ не столько лица, сколько ходъ самыхъ событій.

2007098116